

Е. Бурлина (*руководитель проекта*), **В. Майсциес**, **Л. Иливицкая**,
Ю. Кузовенкова, **Я. Голубинов**, **Н. Барабошина**, **Е. Гранкина**,
Д. Бокурадзе, **Е. Шиллинг**

Полифония городских пространств

**Интернациональный
научно-исследовательский альманах
Обзоры и концепция**

том I

Самара
2014

E. Burlina (*project leader*), **W. Meiszies**, **L. Ilivitskaya**,
Yu. Kuzovenkova, **Ya. Golubinov**, **N. Baraboshina**, **E. Grankina**,
D. Bokuradze, **E. Schilling**

Polyphony of urban spaces

**International
research almanac
Reviews and concept**

vol I

Samara
2014

Работа выполнена в рамках гранта № 14-03-00036 «Пространственно-временная диагностика города: хронотопия и хронотипия» Российского гуманитарного научного фонда.

УДК 394.014+101.1
ББК 60.546.21+87.251.1
Б91

Б91 **Е. Бурлина** (руководитель проекта). **ПОЛИФОНΙΑ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ: Интернациональный научно-исследовательский альманах. Обзоры и концепция.** Авторская группа: **В. Майсциес, Л. Илвицкая, Ю. Кузовенкова, Я. Голубинов, Н. Барабошина, Е. Гранкина, Д. Бокурадзе, Е. Шиллинг.** В 2-х т. Т. 1. – Самара: Медиа-книга, 2014. – 152 с.

Подробно анализируя статьи коллег, вошедшие в изданный в 2012 году альманах «Город и время», авторы представляют профессиональное сообщество, включившееся в философско-культурологическую тематику города. В диалоге с коллегами выкристаллизовывается собственная гипотеза. На фоне обзоров предложены типичные для ряда российских городов пространственно-временные и морфологические модусы. Среди них, например, «разлом» между старым городом и индустриальными районами; «непреодоленное прошлое» старых индустриальных городов Южного Урала; стремительное развитие «третьих столиц» на основе стратегий синтеза прошлого – настоящего – будущего. Москва и Санкт-Петербург стали глобальными и более «европейскими», чем Европа. Напротив, «малые» российские города теряют свое прошлое и настоящее, что доказали исследователи, детально работавшие с ментальными картами молодежи. Особое место в томе 1 «Полифонии городских пространств» занимают обзоры и авторские материалы по теме «Диагностика постсоветского города в художественной культуре», привлечены малоизвестные материалы диагностики постсоветских городов у В.П. Аксёнова, проблема «двоемирия» у великого Д.Д. Шостаковича, а также социокультурный анализ театрального пространства в малом индустриальном городе (театр «Грань» в Новокуйбышевске).

УДК 394.014+101.1
ББК 60.546.21+87.251.1
Б91

© Авторы, 2014

ВВЕДЕНИЕ

В 2009 году произошло событие, имеющее непосредственное отношение ко всем тем, кто занимается исследованием города. Впервые за всю историю человечества численность городского населения мира сравнялась с численностью сельского населения. И городское население продолжит расти, в среднем ежегодно увеличиваясь примерно на 60 млн человек [30]. Если говорить о развитых странах, то там количество горожан втрое выше, чем сельских жителей. В России насчитывается более 1000 городов, в которых проживает около 73 % всего населения. Таким образом, в предстоящие годы часть мирового населения, представленная горожанами, будет расти.

Еще в начале XX века выдающийся русский естествоиспытатель В.И. Вернадский писал о ноосфере, подразумевая синтез биологических и психологических энергий, окружающих нашу планету. В конце XX столетия другой подвижник, признанный ученый-гуманитарий Д.С. Лихачев, напомнил: «Человек живет не только в определенной биосфере, но и в сфере,

создаваемой им самим в результате его культурной и «некультурной» деятельности» [62]. Эту сферу ученый предложил называть гомосферой, иначе «человекоокружением». Городская среда – важнейшая область подобного пространства [63, с. 130].

Для авторов альманаха «Город и время» концепция духовной и инструментальной значимости городской культуры – одно из базовых оснований. Участники названного исследовательского проекта параллельно и независимо друг от друга приходят к выводу о том, что для человека, стоящего на пороге XXI века, город стал не просто основным пространством бытия, но и самой притягательной культурной средой. Переселение в город обозначает, что городская среда лучше обеспечена материально и более насыщена эмоционально, чем сельская местность. Город гарантирует лучшее качество жизни, и люди «голосуют переездом» за городское место жительства.

В первом альманахе исследовательского проекта «Город и время» (Самара, 2012) приняли участие профессиональные вузовские культурологи разных регионов России, а также Башкортостана, Беларуси, Украины, Татарстана. Кроме того, статьи в альманахе подали ученые дальнего зарубежья: Германии, Израиля, Франции, Швейцарии. Всего – 80 авторов. Практически каждый из них опирался на эмпирические наблюдения, связанные с городом, в котором он живет, или другими городами, с которыми он хорошо знаком. Выявились некоторые ключевые урбанистические наблюдения, а также философско-культурологические и социологические интерпретации и обобщения.

Авторы текущего альманаха исходили из того, что опубликованные тогда материалы дают возможность на основании анализа обширного авторского списка (повторим, 80 авторов) уточнить подходы и обосновать ключевые исследовательские проблемы. Наша тема в альманахе-2014 – городские пространства и их пространственно-временные основания (хронотоп и хронотопия).

Материалы, опубликованные в альманахе 2012 года, поначалу казались самым собирателям и некоторым просвещенным читателям «интересной коллекцией», всего лишь коллекцией. Дело не только в цифре 80: не всякое провинциальное издание собирает «под одной крышей» качественные работы столичных и ведущих провинциальных ученых.

Позднее мы поняли, что к опубликованным материалам следует отнестись еще и как к репрезентативному опросу профессионалов философско-культурологического направления по проблемам города. Материалы нуждаются в систематизации и осмыслении, сопоставлении и комментировании. Говоря о городе, философы и культурологи ограничиваются в целом философско-культурологическими аспектами. Отдельные статьи продолжают «звучать», то есть продвигать размышления по теме.

Особенно поучителен предложенный разными авторами анализ городов разных регионов на стыке советского и постсоветского времени. Он дает базу для дальнейшей исследовательской работы, которая представлена в новом издании.

Обнаруживаются также лакуны, которые оказались никем не заполненными. Их нужно назвать и попытаться «обжить», то есть предложить собственные гипотезы и исследовательские подходы.

В этом состояла цель и задачи предпринятого в данном выпуске альманаха аналитического обзора: выявить панораму уже обсуждаемых проблем, назвать незатронутые вопросы, предложить гипотетические решения.

Одно дело – «иметь коллекцию», но другое – изучить и представить ее систему. Одно дело – опубликовать статьи коллег, с которыми связан общей тематикой (а иногда долгими годами дружбы и профессионального взаимопонимания), а другое дело – провести заново воображаемый коллоквиум с теми, кто тогда был, и попытаться вынести важные идеи тех, кто не смог поучаствовать или знаком только по публикациям.

Мы не просто перечитали альманах «Город и время» (2012), но и сформировали собственный исследовательский план, который хорошо себе представляем и намерены реализовывать в будущем.

К примеру, авторы говорят о «смыслах», о «многообразии» городских пространств, а мы вводим сейчас понятие «полифония городских пространств» (музыкальный термин). Подобно тому, как М.М. Бахтин пишет о «полифоническом романе», мы говорим о «полифонических городских пространствах», подразумевая взаимодействие, культурную открытость или закрытую диссонантность разных пространств. Принимая осмысленность и многообразие модусов пространства-времени в городе, мы хотим также подчеркнуть одновременное, полифоническое «звучание», то есть функционирование, участие осмысленных «голосов города».

Или еще пример. Авторы статей в альманахе «Город и время» (2012) писали о разных городах по своему опыту и усмотрению: Москва и Калининград, Магнитогорск и Симферополь. Мы попытались свести философско-культурологические наклонения в одну «карту», во всяком случае, дать перечень типологических проблем, присущих самым называемым группам городов.

Оказалось, что наиболее востребованы в исследовательском кругу сегодня региональные города-миллионники: например волжские города, «терявшие» Волгу; республиканские столицы, подобные Саранску, Чебоксарам; индустриальные города Южного Урала, для которых не предложены новые стратегии, а прошлое «оказалось непредсказуемым или непреодолимым»; «закрытые» или «безымянные» города и районы, так и не сросшиеся с «городом».

Огромный океан «малых городов», по-своему переживающих свое «культурное пограничье», более молчалив. Однако и здесь формируется своя полифония городских пространств и свои хронотопы малого города.

На фоне нашей «карты городов в пространственно-временном измерении» вновь и вновь выплывает Москва – столица, город «властных» смыслов. Наши

авторы выделяют опредмечивание власти в сталинском амьпире и современную трансформацию пространств: от стремительного развития образовательных и сервисных пространств до евроремонтов современной Москвы. Хотя есть множество других уникальных тем, в том числе об опере (!), посвященной странствиям немецкой московской семьи Альбрехтов в глобальных пространствах XX столетия. Мы приняли большое количество материалов по столичной тематике.

С воодушевлением мы отнеслись к проницательной диагностике постсоветских городов немецкого историка и культуролога – профессора Карла Шлэгеля. Поразительно меткой нам кажется его интерпретация «евроремонта» в постсоветских городах, то есть массовой смены строительных стандартов и технологий как показателя трансформаций городских пространств, и прежде всего в Москве.

Особое место на карте современных «городских смыслов» занимают города, претендующие на роль «третьей столицы» после Москвы и Санкт-Петербурга. Примечательно, что Казань, Екатеринбург, Нижний Новгород и другие «третьи столицы» выдвигают инновационные стратегии развития, прежде всего «креативные» и «сервисные», основанные на единстве традиций и инноваций [2-5]. Мы попытались рассмотреть эти идеи также в контексте хронотопии и хронотипии, пока еще в виде изложения собственных гипотез.

Наконец, у авторов, работающих в Самаре, что называется, «под рукой» всегда был собственный город, в котором они укоренены и который изучали в разных ракурсах. При обсуждении методологических аспектов городской типологии этот город-миллионник упоминается много раз: как волжский город, переживший многократно «идентификационные волны»; как пространство, разделенное на «город» и Безымянку; как место уникальной гражданской инициативы – Грушинского фестиваля: разве можно обойтись без «русского Вудстока», когда обсуждаются креативные индустрии, а вы непосредственно знали инициаторов этого неповторимого фестиваля, созданного городским сообществом, дружили с ними?..

Автономное место на карте российской урбанистики занимает, по нашему мнению, тематика индустриальных городов. Она вынесена нами в отдельную статью «Индустриальная Атлантида: прощай и здравствуй!».

И так же автономно, говоря об опыте изучения зарубежных городов, мы помещаем статью известного немецкого социолога культуры и театроведа, директора театрального музея в Дюссельдорфе доктора Винриха Майсциеса, написанную специально для нашего издания. Статья В. Майсциеса поучительна как в смысле методологии, так и в смысле использования урбанистического сюжета, который нам не встречался в российских городах: история перемещений дюссельдорфских театров в городском пространстве как полифония городских пространств и их новое осмысление. Дюссельдорфский придворный театр располагался возле дворца курфюрста, в придворном парке; буржуазный театр конца XIX века – совсем в других кварталах, рядом с банками, почтой, Кенигсаллеей и другими театрами. В новом, послевоенном центре города был построен еще один, главный театр с текучими белыми формами, как будто «оборачивающими» сцену. Это была квинтэссенция «экономического чуда». Появятся ли новые театры в столичном городе на Рейне, побратиме Москвы?

Мы надеемся вновь сотрудничать с авторами из разных городов на основе «карты» наиболее важных городских хронотопов и на базе выделенных вопросов о полифонических пространствах и «непредсказуемом прошлом» российских городов. Пока же предлагаем свою концепцию, своего рода «меха», в которые мы вливали разные идеи, фундаментальные концепции и проектные опыты молодых ученых. Искренне надеемся на сотрудничество с коллегами по фундаментальным темам «хроноТопии» и «хроноТИпии» и диагностики городов.

I глава

Город в культурном пространстве и времени

1.1. Полифония городских пространств

Анализ имеющейся у нас философско-культурологической «коллекции по проблемам города» надо было бы начать с простого вопроса: «Что представляет собой город?». С одной стороны, ответ очень прост и не имеет никакого отношения к философско-культурологическим штудиям. Согласно российскому законодательству статус «город» присваивается субъекту федерации при условии, что на его территории проживает не менее 12 тысяч жителей и большинство из них (85 %) занято несельскохозяйственными видами деятельности [82].

С другой стороны, город не поддается какому-либо однозначному, единственно верному определению. Это текучее и многоаспектное явление. Базовыми для него являются координаты пространства-времени, в которое помещено определенное сообщество.

Такова наиболее распространенная позиция участников рассматриваемого исследовательского проекта, а также некоторых других, уже более поздних и, с нашей точки зрения, ключевых изданий и научных собраний.

Профессор Вячеслав Леонидович Глазычев (1940–2012) – выдающийся российский ученый-урбанист и общественный деятель, доктор искусствоведения, продвинувший российскую урбанистику как междисциплинарную научную область и трансдисциплинарную практику. Ссылки на монографии, статьи и проекты В.Л. Глазычева присутствуют практически во всех статьях представленного далее обзора.

Поэтому не случайным, а вполне закономерным является то, что исследования города (urban studies) представляют собой междисциплинарную и, по нашему убеждению, трансдисциплинарную отрасль гуманитарного знания, в рамках которой сталкиваются, пересекаются и объединяются интересы целого ряда дисциплин: философии, истории, географии, экономики, политологии, социологии, психологии и др.

Как отмечал еще В.Л. Глазычев – крупнейший специалист в области теории и практики изучения города в России, «специалист по транспорту видит город как сложную сеть связей. Специалист-теплотехник видит город как огромную фабрику поглощения и выделения тепловой энергии. Строитель видит город как сложную сумму застройки различной степени износа. Финансист и обслуживающий его экономист видят город как пространство движения капитала. Социолог видит

в городе драму взаимодействия слоев и групп» [22].

Данная цитата наглядно показывает, что каждая из наук, изучающих город, исследует свой особый ракурс, срез, сферу городской реальности, что позволяет осветить тот или иной аспект, грань ее жизни. Каждая из них также располагает специфическим комплексом принципов и методов исследования, направленных на выявление его уникальных черт, характеристик, свойств.

Трудно не согласиться с Н.И. Ворониной, которая утверждает, что каждый город как феномен культуры – «загадка; загадка, разгадать которую до конца невозможно, но разгадывать которую мы обязаны, чтобы постичь смысл своего существования» [21, с. 69].

Итак, город в контексте культурологического и социокультурного анализа понимается как текучее и многоаспектное понятие. Во-первых, это связано с тем, что

Профессор Наталья Ивановна Воронина – создатель научной школы философско-культурологических исследований провинциальной культуры, город Саранск, МГУ им. Н.П. Огарёва. Ею подготовлено 17 докторских диссертаций, издано 17 монографий, в том числе: Воронина Н.И. Личность и время: метафизика музыки, 2011. Среди ее учеников и последователей – профессор Н.Л. Новикова, профессор И.Л. Сиротина, профессор Н.Ю. Лысова, профессор А.Б. Танасейчук и другие участники проекта «Город и время». Профессор Н.И. Воронина представила в наш проект одну из ключевых статей: о политэтническом российском городе и его коммуникативных задачах, выделив, таким образом, одну из важнейших тем для современных российских городов.

Философский факультет УрГУ имени А.М. Горького в Екатеринбурге славился школой эстетиков, созданной еще в 1970–1980-е гг. Кафедрой эстетики тогда еще в Свердловске заведовал профессор А.Ф. Еремеев. Он же, представитель «провинциального города», возглавлял Всероссийский совет по эстетике при Министерстве образования России. Мощная научная школа эстетиков и культурологов влиятельна и сегодня в столице Урала: профессор Л.А. Закс, профессор И.М. Лисовец – не только известные ученые, но и постоянные консультанты государственных институтов управления. В Екатеринбурге пространство государственной службы чрезвычайно насыщено философами и культурологами, выпускниками философского факультета УрГУ.

philosophiam
artem esse artium
et disciplinam
disciplinarum

городская реальность имеет непосредственное отношение к тому, что творится человеком и его деятельностью. Невозможно изучать город без горожан, утверждает И.Л. Сиротина: «Следуя хайдеггеровской мысли о человеческом бытии-понимании, культурология открывает суть человека в его полифоничности: человек – творец города, человек – создатель самого города и городских условий и в то же время их продукт» [78, с. 108]. Ее поддерживает, ссылаясь на широкий круг современных авторов, Н.Л. Новикова – представительница той же научной школы МГУ им. Н.П. Огарёва: город – это пространство, которое «дает средства и задает способ существования и ориентации в мироздании, культурной самореализации» [35, с. 18; 67, с. 93].

Во-вторых, обращение к городу как феномену культуры позволяет решать прагматические задачи различной направленности: социальной, экономической, образовательной и др., касающиеся функционирования города.

Профессор И.М. Лисовец отмечает, что «процесс перехода России «от социализма к капитализму», происходящий в настоящее время, сказался и на изменении города и городского образа жизни, поставив множество вопросов о перспективах постсоциалистического города, направлении этих изменений и управлении ими. Формирование другого типа общества, культуры, человека с необходимостью предполагает радикальную трансформацию городского пространства в условиях новой социокультурной ситуации» [61, с. 74].

Основополагающую идею о значимости сознания горожан для развития города сформулировали доктор исторических наук, профессор Г.В. Алексушин и его коллеги: «социокультурные характеристики обычно не включаются в перечень необходимых исходных данных для управленческих (в том числе стратегических) разработок. Однако игнорирование этих характеристик приводит к принятию нереализуемых решений» [1, с. 22].

Самарские историки и методологи – заметная междисциплинарная группа: профессор, доктор исторических наук Г.В. Алексушин, доцент, кандидат исторических наук А.А. Карлина, профессор, доктор исторических наук А.М. Репинецкий, доцент, кандидат исторических наук Н.А. Устина, директор высшей школы бизнеса, кандидат технических наук В.М. Цлаф, применяющие историко-рефлексивный метод в стратегических разработках.

Философский мир современной России немислим без работ профессора В.А. Конева. Будучи связанным с научными школами Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, с разработкой ключевых научных тем постнеклассической философии, социологии культуры, профессор В.А. Конев поднял научную жизнь Самары до глобального уровня. Город, по Коневу, – это многомерность символических городских пространств.

Что же является ключевым для города как феномена культуры?

Уже само обращение к этимологии слова «город» позволяет трактовать его не просто как физическое, географическое, территориальное пространство, а как пространство бытия человека, бытия культуры.

Так, В.А. Конев в статье «Многомерность города» утверждает, что «город, и это очевидно, есть некое пространственное образование. Само название «город» говорит – это какое-то огороженное место. Этимология английского слова city – от латинского situs (положение, расположение) – также указывает на пространственные коннотации. Но хотя город как пространство, как особая местность и предьявляет себя расстояниями и «измеряется ногами» – далеко или близко расположен какой-то пункт города, – все-таки особое пространство и метрика его существенно отличаются от метрики физического пространства, представленной

классическими декартовыми координатами. Город – это пространство человеческого бытия, а потому и метрика его определяется характеристиками этого бытия. Город и возникает благодаря отгораживанию одного места от всех остальных, город возникает как благоприятная среда обитания в отличие от чуждой природной среды. Ограда, крепостная стена, ров – граница этой среды, граница значимая, это акт означивания своего места, акт отделения значимого от незначимого, жилого от нежилого. Именно в этом заключен исток, начало культуры как культуры. Культура есть там, где проводится граница, где проводится разделение значимого и незначимого. Поэтому город самым своим строением, своим физическим обликом символизирует бытие культуры» [51, с. 169].

И.Л. Сиротина в статье «Пространства современного города» начинает с этимологии: «этимологическое значение слова «город», «град» – ограда, граница, преграда, защита, укрытие. Город противостоит открытому месту, т. е. безграничному и неструктурированному, нечеловеческому пространству – символу хаоса и смерти. Город – это отгороженность и укрытие, защищенность и безопасность человека во враждебном мире. Город нужен человеку, чтобы преодолеть ужас перед пустым пространством, перед хаосом, перед пустотой, небытием.

Обозначение границ, пределов, строительство оградительных, пограничных линий связано со стремлением человека жить в священном пространстве, является средством обозначения, организации и упорядочения «своего» мира. Но священное пространство не есть пространство физическое, геометрическое, географическое. Это скорее пространство смысла, символическое пространство в самом широком смысле, когда символ понимается не просто как знак, а нечто онтологическое, имеющее общее бытие с тем, что символизируется» [78, с. 109].

Анализируя малый город, Н.В. Барабошина утверждает, что «малый город» – это прежде всего не формальное, юридическое (с точки зрения

Н.В. Барабошина – молодой ученый, связанный с разными городами и школами. Выпускница Уральского государственного педагогического университета, она преподает в «малом городе Бузулуке». Используя «включенное наблюдение», с большой мобильностью приобщилась к научным форумам в Самаре, Саранске, Санкт-Петербурге, Иерусалиме и др. Наталья Барабошина защитила под руководством профессора Е.Я. Бурлиной диссертацию «Хроногон малого города: Бузулук – культурное пограничье» (Саранск, 2012), скомпоновав великие открытия российской гуманитаристики и личный опыт наблюдения малого города.

численности населения, наличия статуса и т. д.), а культурологическое понятие (феномен), в котором воплощается определенная пространственная организованность и изменчивость бытия человека» [8, с. 34].

Таким образом, по мнению целого ряда авторов исследовательского проекта «Город и время», город невозможно рассматривать лишь как географическое, юридическое или структурно-функциональное образование. Город, «являясь наиболее крупномасштабным и содержательным феноменом мировой культуры» [63, с. 129], мыслится сегодня как культурное поле, в котором протекает бытие человека. Он является аккумулятором памяти, ценностных ориентаций, знаков, символов, смыслов, текстов. Город – это «не только суэта сиюминутного бытия, но и универсалии, парадигмы, культурные традиции и катастрофы, это миф города как уникальная концентрация смыслов и сущностных выражений его культуры, запечатленных в памяти, это

личность как творческий экстракт культурной жизни, это самобытный религиозный и мистический опыт, это искусство как рафинированный плод ментального опыта, конкретный образ урбаносферы» [35, с. 18].

Большинство авторов сходятся во мнении, что город, рассмотренный с точки зрения философско-культурологического анализа, представляет собой «семантический комплекс, отражающий всю совокупность культурных и цивилизационных смыслов эпохи» [27, с. 152].

Я.А. Голубинов отмечает, что «город, по удачному выражению одного исследователя, – «это символическое пространство, в котором мы даем более или менее образные ответы на вопрос, который определяет наше поведение (этос): как быть «дома» в мире, в котором наша идентичность не дана, наше сосуществование под вопросом, наша судьба случайна или нестабильна» [90, с. 197]. Это символическое пространство можно вслед за А.Ф. Филипповым воспринимать как «локал», то есть «смысловой комплекс,

Я.А. Голубинов, будучи молодым сотрудником кафедры философии и культурологии СамГМУ, был сильно загружен в процессе подготовки исследовательского проекта «Город и время». В 2012 г. он участвовал в сборе материалов по первой российской конференции, посвященной провинциальной культуре («Мифы провинциальной культуры», Самара, 1992), написал аналитический текст «Образ волжского города: от краеведения к регионалистике». В 2014 г. завершил большую работу по теме «Индустриальный город». Параллельно с философско-культурологической тематикой, связанной с городом, Ярослав Голубинов активно работает над исторической темой «Забывтая война. Первая мировая в культурных наследиях Самары».

В проекте «Город и время» были задействованы как давние партнеры по конференциям в Самаре, так и «стихийные участники», откликнувшиеся на интернет-приглашение. Анна Владимировна Костромицкая – молодой кандидат культурологии, ассистент кафедры культурологии, философский факультет, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь.

Ирина Львовна Сиротина – профессор, заведующая кафедрой дизайна МГУ им. Н.П. Огарёва, автор известной монографии «Мемуарное философствование российской интеллигенции как опыт ментального самопознания» (2002). Ирина Сиротина стала также открывателем методологии анализа полиэтничного города [Многомерность повседневной культуры России XX века: кризис и инверсия полиэтничного города (в соавторстве, 2009)].

означающий область совершения действий соответственно определенным правилам» [83, с. 261.] [24, с. 54].

А.В. Костромицкая констатирует, что «город... предстает как «текст, занимающий какое-то определенное место в пространстве, то есть локализованный; создание же его, ознакомление с ним протекают во времени» [11, с. 401] с определенной последовательностью и необратимостью» [53, с. 179].

И.Л. Сиротина в своей статье дает подробный анализ города как символического пространства, где «реальность горожанина – это символическая реальность. Труд горожанина – это прежде всего работа с символами. Город – это место, где преобладает символическая деятельность: мифология, религия, идеология, искусство, кино, реклама, виртуальная реальность.

Это можно объяснить, если символическую деятельность понимать как деятельность не с самими вещами, а с их смыслами, образами, идеями, символами, восходящими к универсальным архетипам,

эйдосам, логосам. А такая деятельность целиком определяется мировоззренческими установками, мифологическими и религиозными представлениями, метафизическими основаниями культуры. В таком ракурсе город предстает, с одной стороны, как универсальный символ, архетип. А с другой, сам город является местом производства смыслов, создания и функционирования символов.

В городе встречаются и пересекаются два пространства: географическое, физическое (место, ландшафт) и семантическое, символическое пространство сознания (город-текст, город-символ, язык города, знаки города).

Знаки и символы выступают не только отражением уже существующих объектов, они вместе с их осмыслением создают мир. Город и городское пространство предоставляют большие возможности для человека прочитывать их при помощи символов и знаков и, в свою очередь, награждать такими символами и знаками городское пространство. В семиотических знаках города кодируется восприятие и понимание человеком окружающей его среды, придание ему определенных смыслов, различение собственного личного индивидуального пространства и его соотношение с пространством «другого», с пространством «всех», с объективированным пространством поселения. Потому-то для исследования города необходимо обращение к исследованию семиотического смысла городского пространства» [78, с. 109]. Поэтому, с ее точки зрения, «...город – это не только и не столько географическое пространство, он всегда нечто большее, чем населенный пункт. Для города характерны семантическая нагруженность, смысловая сгущенность, эмоциональное напряжение, рациональная упорядоченность. Город – это место, которое всегда насыщено смыслами, своей историей, знаками и ценностями. Город является создателем нового типа пространства, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру коммуникации, основанную на осознании необходимости оптимизации социокультурного взаимодействия» [78, с. 114].

Надежда Львовна Новикова – профессор, доктор культурологии, МГУ имени Н.П. Огарёва. Одной из первых стала писать о повседневной культуре, креативных индустриях для развития города (Н.Л. Новикова. *Повседневность как феномен культуры* (2003); Н.Л. Новикова, Н.М. Воронина. *Человек в мире повседневности* (2009)). Для изучения городской жизни – бесценная новая тематика.

Город, понимаемый как текст, смысл, символ, требует собственных инструментов для его анализа и диагностики. Исходя из вышеперечисленных трактовок можно предположить, что в данном случае основу методологии исследования города составляют имманентно присущие ему категории пространства и времени.

Как отмечает Н.Л. Новикова, «обращаясь к городской проблематике, исследователи говорят о важности анализа городской культуры с точки зрения ее пространственных характеристик, поскольку именно через исследование пространственной парадигмы возможно увидеть культуру и социум как системное единство, обладающее «элементами однородности и одновременно – многомерности» [67, с. 91]. То же самое можно сказать и в отношении времени.

Так, М.С. Петровский пишет, что «город – специфическое образование. Я бы так сказал: село – это парное молоко. Оно

всегда свежее. А город как сгущенка в банке. Это концентрат, созданный для хранения. Село на протяжении столетий остается таким, каким оно есть и было. Город накапливает историю. Создает, накапливает и хранит. Это как консервы, которые сохраняют время... На самом деле город – это не застывшая музыка, а овеществленное время. Время, превращенное в материал. Это и есть культурный смысл города [70, с. 184].

Данная идея в тех или иных вариантах проходит у многих авторов. Обращаясь к проблеме малого города, Н.В. Барабошина справедливо считает, что различные характеристики города (численность населения, функциональная направленность и др.) необходимо дополнить «специфическими культурными пространственно-временными координатами малых городов: типом пространственной организации города, особым типом пространственных отношений, городских

Мирон Семёнович Петровский – один из патриархов русскоязычной урбанистики, автор книги «Urbī et orbī» («Городу и миру: Киевские очерки», 1978, 1990), культуролог, «человек без степени», однако один из самых известных создателей современных киевских культурных текстов. Отклик М.С. Петровского – большая честь для проекта «Город и время». Ценнейшая афористическая формулировка в его помещенной ниже статье разводит город и село: город, как считает М.С. Петровский, немислим без «накопленной истории».

границ, культурной динамики, ритма, скорости и темпа развертывания социокультурных процессов в малом городе» [8, с. 34].

Таким образом, город в философско-культурологических аспектах трактуется в пространственно-временной сетке координат. Рождение города задано местом и временем. Становление, кризисы и развитие города оставляют пространственно-временные формы и следы. Выступая в качестве ключевого элемента городской структуры, пространство и время (хронотоп) становится важнейшей характеристикой города как феномена культуры. Пространственно-временные координаты города обуславливают особенности развития и функционирования городского сообщества, определяют процессы взаимодействия, происходящие внутри социума, детерминируют господствующие модели поведения, задают форму и содержательную наполненность процессов идентификации и социализации жителя и др.

Анализ статей, представленных в интернациональном научном альманахе «Город и время», показывает, что, взятая в качестве основы гуманитарной экспертизы города, связка «пространство – время» может быть представлена различными вариантами согласования: от самых простых (любой город – это определенное социокультурное пространство, существующее в определенное историческое время) до очень сложных, в которых пространство и время в разных своих ипостасях переплетаются самым замысловатым образом, вкладываются друг в друга как матрешки, надстраиваются один над другим.

В самом общем виде взаимосвязь времени и пространства, с одной стороны, проявляется в том, что городское пространство, в котором существует человек, связывает собой различные исторические эпохи, превращая их в пространственно-временной поток, осмысленный горожанином: «пространство города изначально выполняло функцию аккумуляции и трансляции исторического опыта (соединяло воедино прошлое, настоящее и будущее города и страны)» [8, с. 36]. С другой стороны, категория времени определяет

изменчивость и подвижность городского пространства. «Из мира «вещей второй природы» именно города в большей степени, обладая особой пространственной архитектурой, меняющейся в процессе исторического развития, способны определить культурно значимые характеристики развития человека, ориентиры культурной практики человека» [8, с. 34].

Именно через призму подобного понимания взаимодействия пространства и времени рассматривается городская реальность в работах целого ряда авторов. Посмотрим, как видятся изменения пространства города, границ его архитектурного ландшафта в соответствии с вызовами времени в различные исторические периоды.

1.2. Город во времени, время в городе

Если набрать в любой поисковой системе словосочетание «время в городе», то в первую очередь выйдет информация, позволяющая узнать, сколько времени сейчас в Риме, Москве, Барнауле или Самаре. И этот простой эксперимент дает наглядное представление о том, что время в городах значительно отличается. Разные города – разное время. Но если вдуматься, то этот тривиальный факт задает множество направлений исследований, касающихся понимания города, раскрытия его сущности, осмысления перспектив его развития. Именно время становится одним из тех универсальных ключей, который позволяет открыть очень многие «городские двери». Широкие исследовательские возможности времени в качестве своеобразного методологического и методического инструментария изучения города (и не только) связаны, в первую очередь, с неопределимостью данного феномена. Что такое время? Вопрос, который беспокоит человечество на протяжении уже нескольких тысячелетий, но несмотря на это остается без ответа. Каждая из многочисленных наук, изучающих время,

Л.Г. Иливицкая – кандидат философских наук, доцент СамГМУ. Окончила с золотой медалью школу и с отличием социологический факультет СамГУ. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Время и хронотип: новые подходы и понятия» почти через 20 лет после окончания вуза. В настоящее время активно занимается научной работой при грантовой поддержке РГНФ, автор двух монографий.

предлагает свои подходы к его определению. Оно рассматривается как атрибутивная характеристика бытия, мера измерения, априорная форма чувственности, астрономическая величина, континуальность бытия человека, коллективное представление и т. д. Любая интерпретация времени из предлагаемого множества его определений может быть наложена на сущностное пространство города, что неизбежно позволит высветить ту или иную его плоскость, ракурс, грань; выявить специфические черты, характеристики, свойства.

Рассматривая время как социокультурный феномен, а не как физическую величину, можно утверждать, что если для физической реальности время выступает одной из мер пространственной структуры, то при рассмотрении пространства и времени как компонентов социокультурной реальности возможно их разграничение и рассмотрение как самостоятельных образований. На

это указывает М.С. Каган, говоря о том, что время является «одним из существеннейших факторов культуры и духовной жизни индивидуума, столь существенным, что в этих плоскостях его рассмотрения оно теряет ту неразрывную связь с пространством, которая свойственна ему онтологически, и выступает в качестве отличного от пространства, самостоятельного параметра духовной жизни общества и личности» [46, с. 118].

Все сущее, а значит и город, имеет собственную временную характеристику, разворачиваясь во времени. Более того, город олицетворяет собой время, свою историю. По мнению М.С. Петровского, «на самом деле город – это не застывшая музыка, а овеществленное время. Время, превращенное в материал. Это и есть культурный смысл города... И город, движущийся в своем развитии вперед – потому что кроме сохранения, есть еще и развитие – на своих исходных памятниках держится, как корабль на якорях. Если их отрубают, корабль превращается в «летучего голландца», который блуждает по морям и океанам вне времени, вне человеческих смыслов» [70, с. 184].

Следовательно, время присутствует в городе как история, которая имеет начальную точку отсчета и проходит в своем развитии различные этапы.

Специфическая тема рождения города отражена в работе С.А. Браташовой. «Современная цивилизация в своем продвижении по стадиям глобальной урбанизации (поселения – города – агломерации – мегарегионы) вступила в новую фазу развития. Каждый из регионов планеты идет по этому пути в собственном ритме. Вектор скорости процессов урбанизации, их амплитуда и фазы специфичны в пространстве и во времени. Наглядный тому пример – города Поволжья. Для осмысления динамики процесса необходимы опорные точки, фиксация начала отсчета, но у Понизовья очень непростая история. Возраст и место основания многих его городов по сей день остаются предметом острых дискуссий. На характерном для южного

Юлия Александровна Кузовенкова, защитив в 2009 году кандидатскую диссертацию на тему «Город в идеальном измерении: от образа к имиджу», опубликовала 15 статей и научно-методических изданий по философии и культурологии. Будучи молодым исследователем, публикуется в российских и зарубежных изданиях. Участвует в различных научных проектах, в том числе при поддержке РГНФ.

Поволжья примере Саратова автор хотел продемонстрировать необходимость и сложность нахождения опорных точек процесса урбанизации, так как при их отсутствии все последующие расчеты и логические построения не могут быть признаны достоверными» [12, с. 40].

На «городской сцене» Самары на сегодняшний день хорошо просматриваются три «слоя», репрезентирующих три ключевые для нее исторические эпохи. Ю.А. Кузовенкова вслед за самарскими краеведами выделяет три ключевых периода в истории Самары, когда город как бы рождался заново:

«– конец XIX в. – 10-е гг. XX в. (имперская Россия);

– 20-е гг. XX в. – 80-е гг. XX в. (советская Россия);

– 90-е гг. – настоящее время» [55, с. 108].

Роль и значение для российских городов (не только Самары) данных исторических периодов признается всеми авторами.

Именно они чаще всего выделяются при анализе городской среды, через них авторы пытаются проследить динамику значимых для бытия города процессов.

«Будучи однажды порожденным, образ города постоянно меняется, «переодевается». Это хорошо видно на примере образов Самары, характер и смысловая наполненность которых менялись в зависимости от смены культурной идентичности городского субъекта. ... Первому периоду соответствует образ европеизированной Самары, второму – советского промышленного гиганта, современная Самара находится в поиске своей новой культурной идентичности» [55, с. 108].

Рассматривая проблему идентификации волжского города Самары на основе аналитического обзора российских и зарубежных путеводителей, а также сходных по жанру изданий, объективирующих образы Самары, Е.Я. Бурлина, Л.Г. Иливицкая, Ю.А. Кузовенкова также обращаются к данной периодизации. «Разные идентификационные образы города борются во времени, рождая коллизию, о которой мудро сказал Лотман: даже самый европейский Петербург – не Европа, но и не Азия. Центрально-европейская Самара боролась со своей «азиатскостью»; оставила над районами индустриализации и гигантскими заводами название «Безымянка», а гордилась волжскими проспектами. Проблемы «борьбы с собою», которые предстают по-разному в разные времена, мы хотели бы рассмотреть на совершенно конкретном объекте: путеводителях или близких жанру путеводителя изданиях, интернет-ресурсах [19, с. 9]. Опираясь на количественный и качественный анализ, авторы рассматривают особенности путеводителей конца XIX – начала XX вв., отражающих массовый поток путешествующих по Волге; фиксируют «жанровую яму» между 1925–1985 гг.; показывают, что на пороге 1990-х гг. Самара вновь пережила идентификационный бум, выразившийся в большом количестве издательских, медийных и музейных проектов» [19, с. 8].

Иной ракурс рассмотрения «опорных точек» в развитии города представлен в работе коллектива авторов «Историко-рефлексивный метод в стратегических разработках».

Предлагаемый ими историко-рефлексивный метод социокультурного анализа города заключается в следующем. «Во-первых, выделяются исторические события, которые «оставили след» в сознании жителей, в их отношении к миру и людям, заложили новые традиции, стереотипы общения и деятельности. Во-вторых, по отношению к этим событиям задаются вопросы, на которые должен ответить сам исследователь (именно поэтому метод является рефлексивным): какой след оставило каждое событие, как он может повлиять на дальнейшие события? Почему именно такие ценности и нормы деятельности создавались и отмирали, почему они изменялись именно так, а не иначе, могло ли быть иначе и какие факторы определили выбор историей именно того, что было, и того, что осталось? И, наконец, вопрос, важнейший для управленческого использования результатов: какие нормы и образцы с достаточно высокой степенью вероятности сохранятся на будущее (и примерно на какое время), какие события их могут изменить и как на это можно повлиять?» [1, с. 24].

Примером применения описанного метода является выполненное авторами социокультурное исследование в связи с разработкой стратегии развития г. Самары. Приведем несколько ключевых для города исторических событий и их интерпретацию.

«1. Создание в XVI веке Самары в качестве крепости, защищающей восточную границу России, породило «оборонную доминанту» в сознании горожан, стереотип восприятия окружения как враждебного, отторжение «варягов» во всех сферах жизнедеятельности. В XX веке эта норма была усилена приданием Куйбышеву (название Самары в 1935–1991 гг.) статуса закрытого города в связи с развитием оборонной промышленности.

Указанные нормы не помешали сформироваться в городе национальной толерантности, способствовавшей росту города за счет внешней иммиграции.

2. Рост города в одном направлении – вдоль Волги – по мере развития торговли и судоходства породил в дальнейшем не только продольную структуру транспортных магистралей и современные транспортные проблемы, трудности водо- и теплоснабжения, но и разрозненность горожан, отсутствие прочной связи с центром города. Следствием этого стала низкая мобильность горожан в пределах города, территориальная неравномерность спроса на социально-культурные и бытовые условия жизни, отсутствие у горожан «чувства единого города»...

6. Специфический след в сознании оставил тот факт, что строительство новых объектов промышленности, энергетики во многом осуществлялось в советское время силами заключенных. Воспоминания о развитии экономики «любой ценой» за счет политических репрессий позволяют и ныне определенному слою горожан мечтать о возрождении самарской промышленности применением «сильной руки», формирует достаточно сильную прокоммунистическую прослойку...

8. Развитие космонавтики, создание аэрокосмического кластера обусловили высокий научно-технический потенциал жителей города, становление научно-технической элиты. Но это привело и к отрицательным последствиям в социокультурном плане: технократическому сознанию, преобладанию технической интеллигенции, дефициту общегуманитарных ценностей, традиционному пренебрежению властей к гуманитарной науке и искусству.

Вместе с тем создание клубов авторской песни (ГМК-62), а в дальнейшем – международных фестивалей авторской песни (Грушинских), расцвет в городе драматического искусства во 2-й половине XX века свидетельствуют, что духовные ценности остались близки населению, хотя не всегда поддерживаются властями» [1, с. 25-26].

Профессор Елена Германовна Трубина принадлежит к тому глобальному поколению российских гуманитариев, которое вышло на мировой уровень в 1990-х гг., окончив российские университеты и защитив диссертации. Ее стажировки в Гарварде (США), лекции в Финляндии, Голландии и других странах позволили внести в российский вузовский контекст огромный корпус новых урбанистических идей. Более подробно о ее концепции «мегасобытий» пойдет речь дальше.

Принципиально иная трактовка времени в городе у профессора Е.Г. Трубиной. Она концентрируется на «точках роста» современного города во времени. Ими, по ее мнению, становятся мегасобытия.

«Города вынуждены становиться городами-предпринимателями, а организуемые в них события составляют значимую часть этой стратегии. Ставки настолько высоки, что «ни один город не может позволить себе принципиальное не-участие в этой игре» [91], не рискуя исчезнуть с карты мира. Это объясняет, почему такие огромные суммы денег тратятся повсеместно на события, почему политики энергично участвуют в кампаниях за право провести в своей стране Олимпиаду и почему перечни городских фестивалей одинаково длинны в Тампере и Тайбэе» [81, с. 116].

Для Т.С. Злотниковой хронотоп города «старый город» предстает как переживаемая го-

рожданами субстанция и как количественное исчисление.

Анализируя такой феномен, как «старый город», она обращает внимание на его двойственность. «Старый город» – это прежде всего город, основанный (построенный, развивающийся или, напротив, законсервировавшийся) давно. Следовательно, в прилагательном «старый» органично заложены хронологические параметры существования города как пространства, как структуры, как образа жизни, как лично ощутимой системы ценностей.

Однако помимо хронологически детерминированного континуума, в силу существования которого «старый город» нередко, хотя и не всегда с серьезными на то основаниями, становится синонимом «исторического города», такой город имеет иное, актуальное измерение, как и любой другой город, где люди живут «сегодня» и именно так: между историческим, часто мифологическим

Профессор Татьяна Семеновна Злотникова входит, несомненно, в золотой фонд отечественной гуманитаристики как создатель научной школы провинциологии в Ярославле. Более подробно речь о ее идеях пространственно-временного измерения города пойдет ниже.

Проблема хронотипа города и хронотики как метода исследования инновационно представлена в ряде работ Ларисы Иливицкой – кандидата философских наук, доцента кафедры философии и культурологии СамГМУ, автора исследований по проблемам времени.

(или мифологизированным) «вчера» – и календарным, часто виртуальным (при определенных усилиях, редко приводящих к конкретным и позитивным результатам) «завтра» [39, с. 34].

Думается, люди старого города – это самая главная проблема современной России. Люди, которые живут в изменившемся пространстве, но сохраняют связь с неизменным временем [39, с. 35].

Обращение ко времени как к одному из возможных диагностических инструментариев города позволяет вскрыть комплекс проблем, связанных с образом города как «быстрого» или «медленного».

«В последнее время в лексикон современного горожанина вошло слово «движуха», которое, несмотря на необычность своего звучания, достаточно точно отражает специфику современного образа жизни. Стремление к постоянному изменению, движению, трансформации становится одной из существенных характеристик мироощущения и жизне-

деятельности. По точному замечанию З. Баумана, «по существу нет больше ни «вперед», ни «назад»; ценится лишь умение не стоять на месте» [9]. Новые мировоззренческие ориентиры позволяют классифицировать города не по традиционным для урбанистики основаниям, а вводить новые, различая их, в частности, по «уровню «движухи». И в этом случае речь идет уже не о малых или крупных городах, не о столице или провинции, а о городах «быстрых» и «медленных». Причем, будучи отражением серьезных сдвигов в миропонимании человеком, данное деление приобретает выраженный ценностно-смысловой характер. Действительно, для современной культуры быстрота, высокий темп изменений, скорость становятся ценностными доминантами. Современную жизнь можно сравнить с беговой дистанцией, где выигрывает тот, кто демонстрирует более высокую скорость передвижения. Именно он становится победителем, получает высокие награды, большие гонорары, широкую известность, усиленное внимание со стороны спонсоров, рекламодателей и т. п. Экстраполяция данной ситуации на город представляется вполне допустимой. «Быстрый» город, характеризующийся значительной скоростью изменений, высокой частотой смены событий, быстрым темпом жизни оценивается как более успешный, обладающий большими возможностями, соответствующий современным требованиям, являющийся более привлекательным для инвесторов и т. д. Город «медленный» наделяется ровно противоположными свойствами, что задает ему совсем другие смысловые координаты: отсталый, «застойный», спальный, провинциальный, бесперспективный и т. д.

Но возникает вопрос о том, каким образом, исходя из каких критериев можно определить, к какому типу относится тот или иной город. Одним из первых, кто попытался выявить «быстрые» и «медленные» не города, но страны, был Р. Левин. В основу его классификации было положено три параметра: скорость движения пешеходов по тротуарам, быстрота обслуживания почтовыми служащими клиентов и точность общественных часов.

Самыми «быстрыми» странами оказались Швейцария, Ирландия, Германия, Япония и Италия, самыми «медленными» – Сирия, Сальвадор, Бразилия, Индонезия и Мексика [92]. Другим примером определения быстроты городской жизни является исследование Keermoving.co.uk, вебсайта, которым управляет международная транспортно-информационная компания ITIS Holdings. Keermovingом в качестве ведущего параметра оценки городов была предложена средняя скорость движения транспорта в городе. Среди 30 городов Европы самыми медленными были признаны Лондон, Берлин, Варшава, Рим, Париж, Белфаст [76]. В исследовании консалтинговой компании Arthur D. Little показателем, определяющим место города в рейтинге, явилось количество времени, необходимое для передвижения по городу из точки А в точку В. По полученным данным Дюссельдорф оказался самым «медленным» из 15 крупнейших немецких городов, а Мюнхен – самым «быстрым». Среди аутсайдеров также Кельн, Эссен и Дуйсбург [66].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что достаточно простая на первый взгляд задача, легко решаемая на интуитивном уровне (вопрос о том, быстрый или медленный город Москва, не вызовет затруднений у приезжего из провинции), оказывается в научно-исследовательской плоскости уравнением со многими неизвестными: что должно изменяться в городе, с какой скоростью должны происходить изменения, что принять за точку отсчета, в каких единицах измерения должен выражаться результат и т. д.

В этой ситуации именно время становится одним из возможных инструментов, который позволяет приблизиться к ответу на поставленные вопросы. Действительно, практически в любой формуле, используемой для расчета скорости, время является обязательным компонентом (в широком смысле скорость определяется как быстрота изменения какой-либо величины в зависимости от времени). Однако, коль скоро речь идет не о физической реальности, а о реальности антропологической, социокультурной, то и время нельзя рассматривать лишь как меру измерения, принятую в физических науках,

которая представляет собой внешнюю по отношению к конкретному процессу данность. Время применительно к городской динамике можно интерпретировать как меру изменения, отражающую внутреннюю специфику различных процессов, имеющих место в пространстве и жизни города, являющуюся их динамической характеристикой, фиксирующей длительность, последовательность, темп и периодичность. Именно так понимаемое время дает возможность использовать его как один из наиболее значимых показателей оценки города с точки зрения происходящих в нем изменений, определения его места на координатной оси «быстрых» или «медленных» городов» [45, с. 45].

Обращение ко времени как к определенному конструкту человеческого мышления, который может быть специфичным для различных городских сообществ, отражено в статьях Е.Я. Римон, Е.Ю. Шиллинг.

Итак, хронотипы – это модели, внутри которых время получает практическое и/или концептуальное значение. Время в культуре не дается нам готовым. Оно постоянно конструируется, строится. Хронотипы создаются и изменяются на индивидуальном, социальном и общекультурном уровне.

Елена Яковлевна Римон – доктор филологии, профессор университета. Окончив филологический факультет СамГУ, эмигрировала в Израиль, живет в Иерусалиме с 1987 года. Стала одним из лучших переводчиков классиков современной ивритской литературы. Преподает в университетском центре «Ариэль» в Самарии, на кафедре наследия Израйля, где ведет занятия по русской литературе и языку. Выпустила сборник комментированных переводов рассказов Шмуэля Агнона с иврита на русский язык, а также переводы работ М.М. Бахтина – с русского на иврит. Комментарии талантливого критика помогают людям другой культуры понять непохожие миры [72, 87].

В работе Е.Я. Римон предпринята попытка сопоставить разные хронотипы: хронотип современного развитого индустриального города (на основе данных американских и европейских антропологов) и еврейский традиционный религиозный хронотип (на основе данных, собранных автором).

Анализируя хронотипы западных городов, она пишет: «Хотя во второй половине XX века в повседневную жизнь обитателей развитых стран вошло множество приспособлений, высвобождающих время, – от памперсов, микроволновых печей и стирально-сушильных машин с разными программами до скоростных поездов и Интернета, – это не освободило их обладателей от спешки. Спешка – это пытка, но она же, как ни парадоксально, может служить показателем социального статуса и предметом гордости. Шведский социолог Стеффен Линдер назвал свою книгу, вышедшую в 1970 году, «Спешащий праздный класс». Речь в ней шла как раз о том, что в развитых современных обществах чем выше уровень жизни, тем более человек спешит, hurried, «замучен». Зимбардо отмечает, что в США провели рейтинг 60 городов в соответствии с высокими или низкими темпами жизни, и оказалось (как и следовало ожидать), что у жителей городов с высоким темпом жизни наиболее высокий уровень сердечных заболеваний.

Важно отметить, что возрастание спешки не всегда связано с увеличением количества работы. Изменилась сама структура времени. В последней четверти XX века в жизни развитых стран появилось еще одно новшество: более гибкий график работы. Стандартный, общий для всех временной график «от 9 до 5» и «от понедельника до пятницы» уходит в прошлое. Его место занимает «общество 24 часов» с индивидуальными временными ритмами. Сокращается количество и временная протяженность жестко организованных ритуалов, таких как вечерняя семейная трапеза. Казалось бы, что может быть лучше свободы? Можно развлекаться, когда хочется, а не именно в выходной или в праздник; работать в соответствии с желанием, с утра, вечером или ночью, принимать пищу, когда есть аппетит,

а не тогда, когда ее готовят и подают всем... Однако, как ни парадоксально, согласно исследованиям начала XXI века, дестандартизация времени приводит к еще большему ощущению напряжения.

Таким образом, на вопрос о том, кто или что заставляет информантов USA Today, Зимбардо, Саутхертон (и других упомянутых социологов) превращать свою жизнь в мучительный марафон, – нет однозначного ответа. С одной стороны, это их личный выбор, которым они гордятся. С другой стороны, это форма времени, принятая в той социальной страте, к которой они принадлежат. Среди англичан, принадлежащих к high middle class, «высше-среднему классу», опрошенных Дейлом Саутхертон, большинство выражали гордость и удовлетворение тем, что много успевают и выдерживают напряженный жизненный ритм – и одновременно признавались, что у них, в сущности, нет выбора: они обязаны много успевать, чтобы держаться на общепринятом уровне жизни и не ударить в грязь лицом перед соседями, родственниками и сослуживцами. Напряженный ритм их жизни продиктован отнюдь не угрозой голода или потери крыши над головой, а необходимостью соответствовать социальному статусу, заставляющей все время сравнивать себя с другими в двух важнейших аспектах: карьера и уровень потребления. В полном соответствии с гегелевской диалектикой рабства и свободы гордые обладатели времени, конвертируемого в материальные ценности (например дом, сад, машину, отдых, соответствующие определенному социальному статусу), превращаются в его мучеников и рабов» [73, с. 190-191].

Обращение к еврейской традиции позволяет Е.Я. Римон сделать следующие выводы: «В мультикультурном обществе одновременно действуют разнонаправленные процессы унификации и диверсификации. «Мир стал очень тесным и очень разным» (Александр Вайль, Петр Генис). В кварталах мегаполисов, населенных различными этническими и культурными общинами, не только говорят на разных языках, там и время течет по-разному. В современном Израиле живут евреи, израильтяне – но и они очень разные, и эта «раз-

Елизавета Юльевна Шиллинг – доктор социологии, профессор Института подготовки муниципальных кадров земли Северный Рейн – Вестфалия. Окончила школу в Самаре, училась в Москве. Прошла полный университетский курс и защитила диссертацию в Дюссельдорфе. Автор книги «Будущее времени. Сравнение моделей рабочего времени в России и Германии» (2003), а также статей в немецких и англоязычных научных журналах с высоким импакт-фактором.

ность» видна очень отчетливо. В одном не-большом государстве сосуществуют люди, живущие в совершенно разных временных парадигмах. В центральных и северных кварталах Иерусалима утром в пятницу кипит жизнь, магазины полны народом, в домах гудят пылесосы. Ближе к закату движение становится все более лихорадочным, а затем замирает. За полчаса до того, как гудок сирены возвещает зажигание субботних свечей, улицы стихают, становятся безлюдными, а затем из домов к синагогам потянутся мужчины и дети, торжественно шествующие на вечернюю молитву (женщины в это время обычно накрывают на стол). А в это время в Тель-Авиве бурлит жизнь, зажигаются огни, поток машин становится все более интенсивным, кафе и бары наполняются народом, из дискотек залами вырывается громкая музыка – нечто совершенно немыслимое в Иерусалиме. Тель-Авив и Иерусалим живут по одним и тем же синхронизированным часам, но в разных ритмах. Но и внутри некоторых израильских городов (Иерусалим, Хайфа, Нетания) разные кварталы различаются по хронотипам» [73, с. 189].

Статья Е.Ю. Шиллинг посвящена изучению хронотипов будущего молодежи в

городах трех стран, существенно различающихся в своих системах образования и перспективах будущего.

По ее мнению, «хронотип – это не только абстрактная структура, позволяющая понять влияние культуры на человека, но также тот адекватный образ будущего, с которым человек будет чувствовать себя более защищенным, стабильным и реализованным. Одним из важных инструментов темпоральной адаптации является социально и культурно оправданный, ответственный и мотивированный тайм-менеджмент. Особенно важной проблема обучения планированию времени является для российской молодежи, в социокультурных кодах которой заложено знаменитое «авось», то есть полагание на случайность или чудо. В России (как и в других странах постсоветского пространства) многочисленные преобразования рыночной экономики являются важными стимулами для поиска нетривиальных и успешных личных программ, в том числе связанных с темпоральным планированием и темпоральной дисциплиной» [86, с. 215].

В статье рассмотрены хронотипы молодежи города Самары, расположенного в центре России, на Средней Волге; немецкого мегаполиса Кёльна, располагающегося в центре Западной Европы, на Рейне; и четвертого по величине города Швейцарии Берна на реке Ааре. «В наших эмпирических исследованиях вузовская молодежь названных городов представляла разные хронотипические парадигмы. Вместе с тем неуверенность в своем будущем присутствует в каждой из изучаемых стран. Этот процесс усугубляется во всех трех странах, в частности, высокой безработицей, растущими культурными различиями и разрушением стабильных отношений.

Культурные различия не снимают непредсказуемости будущего. Например, больше не существует устойчивых моделей того, что, окончив вуз, человек должен (должен ли?) начать работать по специальности, получить первое повышение или завести семью. Окончив университет, работают по совершенно другой специальности, что стало типичным, особенно в России,

в связи со сдвигом и диверсификацией ценностей и норм. Складывается «статусный хронотип»: затраченное на вуз время – лучшее в жизни – дает только «корочки», документ. От данного распределения времени не отказываются, поскольку дорожат полученным статусом и незаменимым опытом социальной коммуникации (круг знакомых, потенциальные возможности, «любовь к геометрии», то есть уважение к академическим знаниям).

С другой стороны, важность ценностей, не связанных с получением высшего образования, таких как семья, партнерство или дружба, растет в России, Швейцарии и Германии. Остается открытым вопрос о том, как молодежь представляет себе планы на будущее и их реализацию. Стоит ли тратить силы и время на образование, которое не пригодится в практической жизни и даст только символическую принадлежность к определенному кругу?

Тем не менее молодые люди в разных городах и странах несмотря ни на что отдают свою молодость и связывают свои проекты на будущее с высшим образованием. Несмотря на то, что многие переживают невозможность реализовать свои планы, университетское образование остается важнейшим основанием молодежного хронотипа и представлений о «счастлимом будущем» в разных городах Европы» [86, с. 215-216].

Приведенный обзор позволяет сделать вывод о том, что время обладает большими эвристическими возможностями для диагностики города.

Темпоральные признаки позволяют:

- рассмотреть город во временном измерении, выделив «ключевые» для его развития точки;
- проанализировать особенности функционирования различных сфер его жизнедеятельности: экономической, социальной, образовательной, культурной и др.;
- выявить специфику бытия человека в городе и определить стратегии городского развития.

II

глава

«Что ни город, то хронотоп»

2.1. Пространственно-временная типология городов

Известная русская поговорка гласит: «Что ни город, то нор». Можно было бы перефразировать: «Что ни город, то хронотоп»; либо «Что ни город, то диагноз».

Топосно-темпоральные условия рождения и роста российских городов позволяют говорить об определенных группах, они всегда специфичны и их истории полны трагических инверсий, вынужденного забвения и борьбы с самими собой за самоопределение. По-нашему мнению, «борьба за самость» – признак здоровья города и способности к росту.

В то же время огромная страна остается страной городов, среди которых «золотая моя столица» всегда была воплощением власти. Городские пространства системно застраивались символами власти не только в 1930–1950-е гг., но и значительно ранее и позднее. Еще была и другая «гардарика»: с «закрытыми городами» в конце XX столетия, с малыми и

большими «безымянками», рожденными в 1930-е гг. закрытыми городами и «шарашками».

«Географическое высокомерие», как шутил один докторант, а еще более того – «географический шовинизм» отнюдь не активизировал интерес к провинциальным, закрытым или лишенным имени городам. «Безымянка», в которой проходила жизнь сотен тысяч людей, оставалась неопознанной.

Параллельно и независимо друг от друга несколько авторов альманаха «Город и время» написали и об этих городах в пространственно-временном аспекте, который является основанием для всякой городской диагностики.

Ниже представлена определенная карта хронотопов, позволяющая подойти к пространственно-временной типологии города. К хронотопии и хронотипии.

2.2. Волжские города: идентификационные волны

Волжские города представлены в публикациях Т.С. Злотниковой, И.И. Руцинской, Е.Я. Бурлиной, Л.Г. Иливицкой, Ю.А. Кузовенковой, Я.А. Голубинова, И.Н. Ефимовой и А.В. Маковейчук, Н.Ю. Кривопаловой. Каждый из авторов шел своим путем к постижению специфики современных волжских городов.

Понимание особого типа городов Поволжья во многом совпадает у разных авторов. Это относительно молодые города, строившиеся как крепости вдоль новой границы страны в период ее становления в XVI – XVIII вв. Города-крепости выполняли сторожевую функцию в чужом этническом окружении.

Важно также, что река обеспечивала транспортно-логистические преимущества, в том числе экономические и торговые. Неслучайно «кар-

маном России» назвали Нижний Новгород с его великой ярмаркой на стыке Европы и Азии. Купеческие династии, торговавшие с Востоком и Западом, заложили несменяемые ментальные основания города. Самара расцвела во второй половине XIX в., когда реку дополнила прошедшая через город центральная железнодорожная магистраль. Хлынувшие в город потоком сельские жители быстро трансформировались в городских мещан, составивших ядро городского населения. Потребность в горожанах была так велика, что национальные различия не принимались во внимание. Миф о толерантной Самаре соответствовал реалиям молодого торгового города.

По Волге недалеко и до Ростова-на-Дону: магистральная связка срединных, близких к столице и разумно отдаленных от центра городов, Нижнего Новгорода – Самары – Ростова, до сих пор обеспечивает самый большой приток инвестиций. Офисы крупнейших европейских фирм расположились в постперестроечное время прежде всего в этих городах-миллионниках.

В начале своей жизни молодые города, окруженные гигантскими неосвоенными пространствами, в которых легко затеряться, были заселены случайным людом (как говорилось в указе Бориса Годунова, «заселить всякой сволочью»). Локальную мифологию пронизывают образы великой Волги-матушки, Заволжья, речного братства и разбойничества. Река-судьба дарила фундаментальные метафоры бытия. Начавшаяся в конце XIX века капитализация этих удачно расположенных городов привела купечество к баснословному богатству. Советская индустриализация заложила огромные стройки, гигантские лагерные пространства в чудесные заповедники Жигулей. В войну «запасные» волжские города и столицы получили колоссальный приток специалистов из Москвы, Харькова, Киева. После войны многие не могли оторваться от Волги и не захотели никуда уезжать.

Волжские города, каждый по-разному, пережили несколько резких сдвигов: предреволюционную капитализацию вместо общинного быта;

тотальный сдвиг от дореволюционного к советскому времени, когда изменилась система понимания времени, назначения города. Базовый символ русской культуры – Волга – не только уходит с авансцены советского времени, но и бледнеет рядом с образами советских героев и побед. Перекодируются многие городские символы. Города усиливаются волнами высоко-профессиональной миграции.

В постсоветское время идет противоречивый поиск идентификации – борьба с самими собой. Происходит отказ от индустриально-промышленного развития, ликвидируются десятки тысяч рабочих мест в результате неумения использовать и синтезировать предшествующий опыт. «Маятник раскачивается» (метафора А. Ахиезера) [2].

Поиск идентичности в сильных и укорененных российских городах является важной проблемой. В альманахе «Город и время» рассматриваются философские проблемы идентификации волжского города Самары в разные исторические периоды. «Маятниковость» волжских городов показана на локальном примере: проведен анализ путеводителей и других репрезентаций города, из которых на несколько десятилетий исчезают легенды о Волге.

Начнем со старинных волжских городов. Ярославль – уникальный для России город с 1000-летней историей и сосуществованием модусов прошлого и настоящего – представлен в глубокой работе Т.С. Злотниковой «Время старого города».

«Старый город» – это прежде всего город, основанный (построенный, развивающийся или, напротив, законсервировавшийся) давно. Следовательно, в прилагательном «старый» органично заложены хронологические параметры существования города как пространства, как структуры, как образа жизни, как лично ощутимой системы ценностей.

Однако помимо хронологически детерминированного континуума, в силу существования которого «старый город» нередко, хотя и не всегда с

Профессор Татьяна Семеновна Злотникова – один из создателей российской провинциологии, руководитель научной школы культурологов в Ярославле. Ее профессиональный путь необычен: защитив докторскую диссертацию по искусствоведению в Санкт-Петербурге (Ленинграде) и будучи именитым театральным критиком, она посвятила себя научно-педагогической работе в провинциальном вузе. Под руководством профессора Т.С. Злотниковой защищено 4 докторские и свыше 30 кандидатских диссертации. Татьяна Семеновна автор 250 работ, среди которых 7 монографий и 8 научных сборников.

Исследованиям профессора Злотниковой по культуре провинциального города присущи интуиция театрального критика и методологическая логика современного ученого [40, 41, 42, 43].

серьезными на то основаниями, становится синонимом «исторического города», такой город имеет иное, актуальное измерение, как и любой другой город, где люди живут «сегодня» и именно так: между историческим, часто мифологическим (или мифологизированным) «вчера» – и календарным, часто виртуальным (при определенных усилиях, редко приводящих к конкретным и позитивным результатам) «завтра».

Таким образом, «время старого города» в нашем понимании – это в определенном смысле то время, в каком каждый день живет в своей многообразной обыденности старый город, его люди, его улицы и здания, его социально-культурные институты, порождая ощутимые лишь на психоэмоциональном уровне «флюиды» [39, с. 35].

Задаваясь вопросом о том, можно ли жить в городе и, с одной стороны, гордиться его историей, а с другой – стыдиться современных улиц, современных домов,

современной промышленной продукции, она утверждает, что «самое страшное – если «старый» город становится синонимом города «обветшавшего». Если замедляется или вовсе останавливается темп жизни, активность взаимодействия людей внутри города и взаимодействия людей этого города с остальным миром. Если мир этому городу становится неинтересен (а город, кстати, в силу каких-то своих «древностей» миру продолжает быть интересным)» [39, с. 42].

Е.Я. Бурлина, ссылаясь на Ю.М. Лотмана, предложила для интерпретации и «диагностики» волжских городов понятие «борьбы с самими собой», то есть сосуществования разнонаправленных пространственных и темпоральных векторов в хронотопе волжского города (см. ниже). Проявляя склонность к «борьбе» с разными течениями в Самаре, она говорит, что предисловие мэра Дюссельдорфа к своей книге на русском языке

Профессор, кандидат искусствоведения и доктор философских наук Елена Яковлевна Бурлина много лет занималась исследованием хронотопа в метажанре [13, 15, 16, 17, 18]. От «застывшего времени» жанров пришла к анализу западноевропейских городов [14], а теперь работает вместе со своими молодыми сотрудниками над хронотопией российских городов. Е.Я. Бурлиной и ее учениками в последние годы был подготовлен блок работ о локальных и глобальных образах поволжских городов. Среди них – диссертационные исследования Ю.А. Кузовенковой, Л.Г. Ивлиной, И.В. Барабошиной, статьи Я.А. Голубинова, Д.С. Бокурдзе. Упомянем и дипломников: В. Петровского («0 футбольном имидже Самары – задолго до чемпионата 2018 года», 2007), С. Гришиной («Современный путеводитель для детей», 2013), В. Заречанской («Индустриальная культура и город», 2013) и многих других.

Ю.А. Кузовенкова – автор одной из первых диссертационных работ, посвященных имиджевому сопровождению и перерождению волжского города Самары. Тема ее исследования «Город в идеальном измерении: от образа к имиджу» [Саранск, 2009] [56] вызывает неизменный интерес.

о городе на Рейне ей было получить нетрудно, а вот приветственное слово самарского начальства для альманаха «Город и время» так никто и не подписал.

Понимание особого типа городов Поволжья хорошо диагностируется через хронотопию. Это относительно молодые города, строившиеся как крепости вдоль новой границы страны. Они долгое время выполняли сторожевую функцию в чужом этническом окружении.

Названные авторы определяют идентификационные процессы волжских городов как процессы, в ходе которых многие города России «боролись сами с собою», переписывая самих себя и преодолевая прежние представления. Волна перемен заставила наглухо забыть купцов – отцов города. Потом так же легко уволили заводских инженеров и мастеров, которых растили несколько поколений. Смена образов-ликов, а вместе с ними пространственно-временной символики, выражает ста-

новление Самары – города волжского, а значит русского, вольного, индустриально-космического, центрального и в то же время провинциального, полиэтнического, полувосточного: «...волжские образы невероятно значимы для повседневной коммуникации, в том числе для горожан Самары с их ментальной ориентацией на Волгу как на главный променад города, а также на прилежащее к городу свободное и антиурбанистическое Заволжье. «Разные идентификационные образы города борются во времени, рождая коллизию, о которой мудро сказал Лотман: даже самый европейский Петербург – не Европа, но и не Азия. Самая центрально-европейская Самара боролась со своей «азиатскостью»; оставила над районами индустриализации и гигантскими заводами название «Безымянка», а гордилась волжскими проспектами» [19, с. 10].

Я.А. Голубинов, обращаясь к осмыслению типичного волжского города Самары как культурного и социально-экономического феномена, рассматривает вопрос о неоднозначном сосуществовании в ментальности горожан прошлых его образов. Он пишет: «В постсоветском пространстве уже не Куйбышеву, но с 1991 г. вновь Самаре, пришлось находить новые ориентиры для развития города. В 1990-е гг., в эпоху экономической, политической и социальной нестабильности, прежние идеалы и ценности, выпестованные советским государством, были поколеблены и практически забыты населением. За фасадом индустриального гиганта стали проглядывать хибарки и особняки старого купеческого города.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время происходит процесс переоткрытия «мест памяти», связанных с дореволюционным, купеческим и дворянским самарским нарративом. Параллельно с этим происходит переосмысление советского наследия, к которому складывается очень неоднозначное отношение. Вместе с тем есть попытки выстроить и некие новые культурные проекты, которые призваны показать Самару частью русской национальной культуры» [24, с. 59].

В работах молодых авторов на примере разных волжских городов показано, как в разные исторические периоды изменялся образ города, формировался его имидж. И в этом процессе немаловажную роль играет пространство города, которое в соответствии с новыми запросами времени застраивалось определенным образом, приобретало иное символическое значение, меняло названия своих улиц и площадей т. д. Время, находящее отражение в различных исторических событиях, также играло существенную роль, накладывая свой отпечаток на образ города. «Город-локал... состоит из мест, «элементарных смысловых комплексов». А каждое место имеет не только топографическую привязку к ландшафту, но является своеобразным «местом памяти», т. е. укоренено в прошлом. Сумма этих «мест памяти» дает нам изменяющийся во времени образ города» [24, с. 54].

В статье Н.Ю. Кривопаловой, посвященной анализу основных средств формирования нового имиджа г. Самары в первые послереволюционные годы, рассматриваются технологии, связанные с использованием топонимики и символического пространства города, проведением революционных праздников, осуществлением агитационно-массовой деятельности в различных ее проявлениях. «Так, работа с топонимикой, выражавшаяся в изменении названия улиц, площадей, общественных учреждений и направленная на закрепление новых образов в городском пространстве, была связана в первую очередь с местами, где проходили массовые революционные праздники и митинги. К таким местам относились прежде всего площадь Революции (бывшая Алексеевская), площадь Парижской коммуны (бывшая Театральная), улицы Советская (бывшая Дворянская) и Красноармейская (бывшая Алексеевская). В этой части города уже с 1917 г. появлялись советские государственные и общественные учреждения, не только изменявшие предназначение прежних зданий, но становившиеся новыми символами города и центрами праздничных шествий. Особенно выделялись в этом плане здания Губревкома (бывший дом самарского губернатора на Театральной площади) и Клуба коммунистов (бывший Волжско-Камский коммер-

ческий банк на улице Дворянской), балконы которых превращались в своеобразные трибуны в дни праздников, оформленные лозунгами и плакатами, где стояли руководители советской власти в городе.

В качестве значимого имиджевого средства использовалась замена идеологически важных символов города. В первую очередь изменения затрагивали опять же центры праздничных действий. Наиболее показательным здесь является тот факт, что уже к 1 мая 1918 года памятник императору Александру II на площади Революции был заменен на классический обелиск в честь создания нового государства» [54, с. 103].

Вообще «современный образ города – коллаж, непростая смесь старого и нового. Это... осознанное сопоставление, казалось бы, несвязанных элементов с тем, чтобы форма и значение каждого усиливали одна другое и вместе с тем достигалась бы общая цельность» [60]. Ключевое место здесь занимает история, рассматриваемая

Наталья Юрьевна Кривопалова, кандидат исторических наук, посвятила немало лет изучению архивов и топонимики дореволюционной Самары.

Ирина Ильинична Рущинская – доцент МГУ им. М.В. Ломоносова (факультет регионалистики и иностранных языков), в своих исследованиях отталкивалась, с одной стороны, от опыта своей работы в Саратове, с другой – от задач факультета регионалистики в Москве.

как «аналитический инструмент», способный объяснить трансформацию пространства «во времени, т. е. в историческом развитии, чтобы увидеть различные элементы, из которых оно возникает» [34]. Это происходит для обозначения невидимых границ и способов соотнесения совокупности элементов, которые невозможно выделить только в современном завершённом пространстве [53, с. 179].

На материале первых массовых путеводителей по Поволжью И.И. Рущинская исследует региональные особенности восприятия городов по следующим параметрам: предлагаемые маршруты и темпоритм передвижений, способы описания городских достопримечательностей, сочетание рекламных приемов с критикой существующих недостатков и др. Путеводитель, по ее мнению, «несправедливо обойден вниманием исследователей. Как исторический и культурологический источник он вызывает интерес разве что у краеведов. Между тем данный книжный жанр способен

не просто транслировать эмпирическую информацию о том, когда в городе пущен трамвай или разрушен храм. С первых лет своего существования он фиксировал особенности самовосприятия, территориальной рефлексии, характерные для конкретного регионального сообщества. Если рассматривать путеводитель с данной точки зрения, то, на наш взгляд, можно значительно заполнить источниковую лагуну, имеющую место при исследовании массовых геокультурных образов, представлений, стереотипов пореформенного времени, когда недоступны такие методы, как социологические опросы» [75, с. 158]. Анализ путеводителей позволяет ей сделать вывод о том, что «регион [Поволжье] в глазах своих жителей представал быстро развивающимся, открытым, доступным, лишенным провинциальной замкнутости и отсталости. История Поволжья воспринималась как неотъемлемая и органичная часть общероссийской истории, а историко-культурные достопримечательности, в которых она отражена, – как памятники, не уступающие по своим достоинствам общемировым образцам» [75, с. 162].

Сотрудники Нижегородского государственного университета, интернационального отдела И.Н. Ефимова и А.В. Маковейчук рассматривали города Поволжья в аспекте имиджа, привлекательного для российских и зарубежных студентов [36].

Кандидат философских наук, доцент Л.Г. Иливицкая внесла принципиально новые идеи в рассмотрение индустриальных районов крупных российских городов: «бытие», «ниобытие», причины забвения, «безымянка». Ее специализация – культурология. Защитилась в 2012 году в диссертационном совете МГУ им. Н.П. Огарёва, ее научный руководитель – профессор Е.Я. Бурлина. Лариса Иливицкая всю жизнь живет на Безымянке: там была знаменитая на весь Союз школа № 88 и ее гениальные учителя. На Безымянке писала первую диссертацию «Время и хронотоп».

2.3. Город и Безымянка: пространственный разлом

Автору удалось построить весьма интересную схему пространственно-временного «каркаса» этого самарского района в глазах его жителей и остальных самарцев. Л.Г. Иливицкая начинает с того, что «Безымянка – странное, непривычное, и не только для иностранца, название... Что-то не имеющее собственного имени, а может, не заслужившее его. Но последнее как раз к Безымянке не относится, так как именно благодаря ей Самара стала крупным промышленным городом.

Но несмотря на тот мощный индустриальный импульс, который дала Безымянка Самаре, для старого города она будет чем-то чужеродным, искусственным, даже опасным. В любом городе существуют центр и периферия. Их взаимоотношения и взаимодействия могут выстраиваться по-разному. В Самаре негласный центр – Город – резко противопостав-

лен своему первому району – Безымянке. Будут обживаться новые окраины, возникать новые микрорайоны, но в ментальности горожан Самара до сих пор разделена на два полюса: Город и Безымянка. Причем в полном соответствии с мифологическим сознанием Город является воплощением всего самого хорошего, светлого, успешного, престижного (более дорогое жилье, улицы светлее и чище, выше культурный и образовательный уровень населения и т. д.), Безымянке же приписываются ровно противоположные черты» [44, с. 96].

Исследователь анализирует причины этого и приходит к выводу, что «столь резкое противостояние, скорее всего, связано с комплексом географических и исторических факторов и возникших на их основе городских мифологем. Большую роль в восприятии той или иной территории горожанами играет степень близости-отдаленности от Волги. Волга для Самары – это своего рода ось, центр мира, близость к которой сродни приобщению к истине, красоте, успеху. Удаленная на несколько километров от реки Безымянка наделена в этой связи статусом лишенности, ущербности, неполноты. Для сравнения, район Барбошиной поляны (бывшая поляна им. Фрунзе) находится приблизительно в равной с Безымянкой удаленности от старого города, но близость Волги создает ему более привлекательный для самарцев образ, обеспечивает более легкое «вхождение» в город. Самара – это город, раскинутый вдоль Волги, расположенный на ее берегу, соответственно, все, что не отвечает данным критериям, с трудом может претендовать на роль города» [44, с. 96].

К противостоянию районов подключаются некоторые архетипические представления и символы (высокое/низкое, грязное/чистое, святое/профанное). «Старый город, расположенный на высоком берегу Волги, еще и своей возвышенностью противостоял Безымянке. Географическое расположение в низине оборачивалось мифологическим отождествлением с чем-то темным, грязным, совершенно непригодным для жизни. Без-

ымянка, действительно, в 70–80-е гг. XX века считалась одним из самых грязных в экологическом плане районов города. Очень часто можно было услышать от самарцев, живущих в многоэтажных домах, расположенных на более высоких участках города, что по утрам над Безымянкой стоит серый смог. Непосредственная близость крупнейших в городе заводов, безусловно, сказывалась. Но, скорее всего, более существенным здесь было то, что высота, символизирующая волжский берег, была еще одним фактором, который задавал ценностные координаты в городской оценке. Районы города, построенные значительно позже и имеющие статус «спальных», часто обосновывали свое преимущество перед Безымянкой именно тем, что они располагаются в самой высокой точке города или, по крайней мере, одной из самых высоких. Высота, таким образом, также обуславливала право на принадлежность городу в противоположность более «низменной» местности» [44, с. 97].

При этом индустриальная мощь Безымянки не принимается во внимание: «Безымянские заводы, которые создали Самаре в советское время имидж крупного промышленного города, для самой Безымянки сыграли ровно противоположную роль. Промышленная Безымянка была противопоставлена Городу еще и потому, что последний был для самарцев воплощением культуры, науки, образования. Именно в Городе располагались все главные театры, институты, большинство научных учреждений, лучшие школы. Именно здесь проживала вся элита города. Даже настоящий воскресный отдых возможен был только в Городе, так как отождествлялся с набережной, пляжем, парком им. Горького (Струковский сад). Безымянке же отводилось второстепенное положение, ее промышленный облик в какой-то степени даже вызывал отторжение. И в этом заключался, на первый взгляд, определенный парадокс. Советская историческая наука возникновения Безымянки связывала с началом Великой Отечественной войны, с эвакуацией из западных регионов

страны заводов, с подвигом тружеников тыла, для которых именно «тыл был фронтом». Но почему-то столь положительный, благородный, мужественный образ Безымянки не способствовал тому, чтобы она получила равноправное положение с Городом» [44, с. 97].

При этом история этого района не была чем-то совершенно чуждым «городу». «История Безымянки начинается намного раньше, а именно в 1875 году, когда началась прокладка железнодорожной магистрали от Самары в направлении Уфы. Линия была однопутной, что потребовало строительства разъездов для увеличения ее пропускной способности. Одним из таких разъездов и стала Безымянка, получившее свое название по имени протекавшей здесь маленькой речки. Вскоре при нем возник рабочий поселок, который постепенно расширялся за счет дачных участков. Необходимость наличия хорошо оснащенной ремонтной базы для железной дороги способствовала тому, что в 1910 г. здесь начали строительство Самарского железнодорожно-ремонтного завода, сокращенно «Сажерез» (позднее, в 1935 г., предприятие получило имя Валериана Куйбышева и стало называться Куйбышевским заводом запасных частей – КЗЗЧ), и жилья для рабочих. В 1914 г. в связи с Первой мировой войной строительство завода было заморожено, и возобновили его в годы первой пятилетки. Несколько раньше был создан кооператив железнодорожников, получивший поэтическое название «Сад-город». Он просуществовал до 1934 г., когда постановлением Самарского горсовета его земли были переданы заводом «Сажерез» для временного барачного и капитального строительства ...

В 30-х гг. XX века Безымянка мыслилась совсем не как «Сад-Город», а как крупный промышленный центр, полигон для воплощения идеи соцрасселения. «Первейшее преимущество будущего рабочего района в том, что все элементы его запланированы разумно. Сознательное их размещение – главное отличие социалистического города», – писала «Волжская коммуна» 1 сентября 1931 г. [...] Но прежде чем стать идеальным промышленным

социалистическим городом, Безымянке предстояло стать страшным Безымянлагом. В сентябре 1940 г. для реализации грандиозного плана строительства был образован Безымянский исправительно-трудовой лагерь. Он состоял из 35 лагерей, включающих стройки в поселках Управленческий, Красная Глинка и Кряж. Сегодня уже практически не услышишь понятные лишь только старым жителям Самары названия остановок: первый участок или третий. Это та история Безымянки, о которой предпочитают не вспоминать, но которую невозможно забыть. Город и Безымянка оказались разделены не только Волгой, они стали воплощением свободы (пусть и условной) и несвободы, жизни и смерти. В 1940 г. на одного зека приходилось два-три жителя города. Поэтому Безымянка времен Великой Отечественной войны соединила в себе не только подвиг, но и страх, рабский труд, несправедливость. Город, помнивший ее колючие проволоки, с трудом мог ее принять» [44, с. 98].

Л.Г. Илвицкая приходит к выводу о том, что «Безымянка в послевоенные годы скорее виделась жителю Города не как мощный промышленный центр, а по-прежнему как глухая окраина, населенная бывшими заключенными и шпаной. [...] Уже в 60-е годы именно то, что сегодня называется инновациями, становится «достопримечательностями» Безымянки. Например, построенная в 1963 г. 9-этажка на углу улиц Революционной и Аэродромной. Тогда на этот «небоскреб» приезжали смотреть даже из Тольятти и Сызрани. А в 70-е годы уже в качестве массовой застройки на проспекте Кирова появятся 9- и 12-этажные дома улучшенной планировки. Первая очередь самарского метро, соединяющая Юнгородок и ул. Победы и открытая в конце 80-х, также станет на несколько лет объектом обязательного посещения самарцев и гостей города. И несмотря на то, что памятник «Ракета» установлен на проспекте Ленина, «Самара космическая» – это тоже прежде всего Безымянка.

На пороге 2000-х годов, когда многие российские индустриальные города были стремительно включены в новые, постиндустриальные отношения, Безымянка – то есть Промышленный, Кировский, Советский районы

Самары – оказались «кузницей кадров». Новая администрация Самарской области вышла «из Безымянки»; новые предприниматели и бизнесмены были вчерашними инженерами авиационных заводов. Накопленный после войны опыт профессионалов-производственников позволял решать новые управленческие задачи: губернатор К.А. Титов, мэр города О.Н. Сысуев, владелец сети супермаркетов Л.А. Хасис и многие другие прошли большой производственный путь. Появление нового рабочего слоя эмигрантов из Азии было отмечено появлением «Дома дружбы народов», стремящегося внести свой вклад в формирование толерантных взаимоотношений старых и новых горожан. В то же время эти районы города стали самыми криминальными, наполненными подпольными игровыми клубами и т. п. В этих районах не возникло и адекватного для них культурного пространства: например, кольца «индустриальных музеев» или биеннале современного искусства.

И монополия «старого города» по-прежнему стирает самое очевидное: в старых районах проживает значительно меньше населения, чем на Безымянке. Даже образ «Дейтройта» или имидж «Черного неба над Рургебитом» не обладают столь властной силой, с какой приходится сталкиваться в «случае Безымянки».

Подводя итоги, можно было бы выделить ряд урбанистических мифов, которые помогали или мешали этому району волжского города Самары. Ментальность волжского города, тяготевшего к великой реке и идентифицировавшего свою свободу с нею, не приняла территориальную отдаленность от Волги. Лагерное прошлое Безымянки не только наложило свой отпечаток на состав населения в послевоенные годы, но также и сформировало ее «лагерный имидж» впоследствии [44, с. 98-99].

Профессор Магнитогорской государственной консерватории имени М.И. Глинки, кандидат философских наук Галина Евгеньевна Гун, подвижница и просветитель, отдала всю свою жизнь наблюдению, просвещению и культурной диагностике родного края. Она определяет южноуральский город как неповторимый социокультурный феномен. Особенности менталитета южноуральцев закреплены в таких формулах, как «Урал – опорный край державы», «Урал – хребет России», а также в отсутствии концепций стратегического развития.

2.4. «Непреодолимое прошлое» индустриальных городов Южного Урала

Характеристика южноуральских городов представляется особенно интересной в контексте того, что «...север и северо-запад Челябинской области, называемые горнозаводской зоной, представляют урбанизированную и насыщенную промышленными объектами территорию, которая отдельными чертами напоминает европейские урбанистические конгломерации (например землю Северный Рейн – Вестфалия в Германии). Этот факт открывает возможности для интересных исследовательских сюжетов сравнительного характера» [31, с. 19].

Регион имеет глубокие промышленные традиции. С XIX века по настоящее время Южно-Уральский регион остается ведущим металлопроизводящим центром. Исторические обстоятельства предопределили особенности культуры региона и тех поселений, которые здесь возникали. Большинство старых городов на севере и северо-западе области возникли при заводах. Это так называемые

горнозаводские поселки. На этом фоне нетипичными для области выглядят истории городов, которые возникали как торговые центры или крепости.

История урбанизации региона в XX веке опирается на новые идеологические основания. «Для Южного Урала советского периода типичен образ не просто города-завода, а соцгорода. Яркий тому пример – Магнитогорск. Как любой моногород, он характеризуется специализацией экономической базы вокруг градообразующего предприятия и не имеет глубокого культурного прошлого, что затрудняет процесс формирования условий для культурного развития, не связанных с производством... Столица области – город Челябинск – основан в 1736 г. как крепость. Переломным периодом в жизни Челябинска стали 1890-е гг., когда было начато строительство Транссибирской магистрали. Город стал одним из главных транзитных пунктов переселенческого движения из европейской России за Урал. Но наиболее значимым в истории региона и области стал момент строительства в Челябинске крупных промышленных предприятий – металлургического комбината и тракторного завода, которые определили место города в истории страны и региона как легендарного Танкограда...

Описанная выше практика урбанизации обусловила особый характер взаимоотношений производства и социума. Целенаправленно формировалось представление об особой миссии уральцев: на их плечах держится вся страна, они себе не принадлежат [31, с. 21].

Существенным фактором формирования подобного городского сознания была, несомненно, война: многие города страны пережили невероятный «мобилизационный комплекс», ценности которого живут до сих пор в городском сообществе. Серьезной вехой в развитии всех индустриальных городов явилась Великая Отечественная война, когда размеренная провинциальная жизнь была существенно нарушена.

Сделаем еще несколько ссылок. «Изменения в общественном сознании населения Уфы в первые послевоенные годы» исследует М.С. Ми-

гранов. Он отмечает, что «...на смену «медленному» городу пришел стресс ускоренной военной индустриализации. Массовая эвакуация заводов и населения с западных областей страны повлекла за собой быстрый рост промышленного развития городов. Буквально «с нуля» на пустырях поднимались большие индустриальные комплексы, которые сразу же приступали к производству на нужды фронта. Аналогичные процессы происходили в тот период и в Уфе, являвшейся типичным представителем средневожских городов» [65, с. 82]. За годы войны Уфа превратилась в индустриально развитый центр, но с окончанием Великой Отечественной войны ситуация изменилась: долгожданная победа была достигнута, но народ практически исчерпал все свои физические и эмоциональные ресурсы. Отдав все свои силы и потеряв здоровье в деле защиты Родины в тылу и на фронтах, обитатели послевоенной Уфы жили ожиданием лучшей жизни. В первую очередь городское население волновали вопросы улучшения условий жизни и труда, а также своей ответственности перед всей страной. Подобные процессы происходили в индустриальных городах Урала, Среднего Поволжья.

Вернемся к современному состоянию индустриальных городов. Тот факт, что многие из них остаются наиболее развитыми в промышленном отношении, можно рассматривать как некую благоприятную предпосылку для культурного развития. Но для «горнозаводской» цивилизации Южного Урала и других индустриальных городов проблема поиска стратегий будущего развития является актуальной. При этом особенную важность приобретает отношение к своему прошлому: восстанавливать ли заводскую цивилизацию по образцам дореволюционного времени, возвращаться ли к «мобилизационным моделям» либо открыть для себя новые идеи индустриальных городов, живущих не только «для страны», но и для горожан, для людей. «Непредсказуемость прошлого» – это выбор будущего.

Упомянутый «горнозаводской» Магнитогорск – один из множества городов России, имеющих «градообразующее предприятие» – некую соци-

ально-экономическую доминанту, являющуюся единственной прозаичной причиной возникновения моногородов. По некоторым оценкам, сейчас моногорода составляют 40 % городов России, в них проживает каждый десятый житель страны и большинство таких городов испытывает серьезные проблемы. Сложную культурную ситуацию в таких городах показывают А.В. Ростова и Е.В. Желнина, описывая «отношение жителей моногорода к инновациям» [74]. Сами горожане не видят никакой перспективы модернизации в своих городах, отказываются и не верят в нее. Цивилизованное будущее не рассматривается горожанами как проект, над которым стоило бы размышлять. Они воспитаны на том, что любая модернизация только усугубляет проблемы настоящей жизни. Никто не предлагает коренные перемены – перепрофилизацию, принципиально новые экологические или культурные проекты. Индустриальный город знает свое заводское, одномерное прошлое, которое непредсказуемо как объект критики или модернизации.

2.5. «Закрытый город» Пермь

Пермский уроженец И.В. Кондаков свидетельствует, что «город Пермь, в 1940–1950-е годы носивший грозное имя Молотов, был типичным «закрытым городом». В нем никогда не бывали иностранцы; информация из него редко поступала на всесоюзные «ленты новостей»; все в городе было покрыто завесой секретности и «военной тайны». И в самом деле, в городе не было предприятий (во всяком случае больших), на которых бы не производилась военная продукция. Даже заводы с вполне невинными названиями – велосипедный, телефонный, часовой – производили на самом деле вовсе не велосипеды, телефоны и часы, а нечто совсем другое, совершенно секретное (например ракетные двигатели, гироскопы для летательных аппаратов или подслушивающие устрой-

Профессор И.В. Кондаков – ученый с мировым именем, автор учебников и новаторских работ о творчестве Б.Л. Пастернака, Ю.М. Лотмана, представлен в данном исследовательском проекте статьей «Пермь – закрытый город». Обобщая свой анализ, И.В. Кондаков приходит к важнейшему выводу об онтологии городского хронотопа: «Исторический контекст размывает границы текста города со всех концов: он оказывается открыт в свое культурное прошлое, он в еще большей степени обращен в будущее» [50, с. 59].

ства). Тем более оборонную продукцию производили «именные» заводы – огромные, многотысячные военные производства имени Ленина и Сталина (после XX съезда – Свердлова), Дзержинского, Калинина, Кирова, Орджоникидзе и т. д.» [50, с. 59].

А условием закрытости общества, по мнению С.В. Кондакова, были «государственная и военная тайна. Атмосфера секретности и бдительности по отношению к скрытым и маскирующимся врагам – важнейшее дополнение к милитаристской составляющей общественной и культурной жизни сталинской эпохи как довоенного, так и послевоенного времени, а в той или иной степени – и последующих периодов советской и постсоветской истории... жизнь в закрытом городе подчинялась этим двум ориентирам. Однако у этих двух основополагающих установок было множество следствий. Обилие военных и военизированных организаций в городе, прибли-

жавшее его жизнь к военному положению. Постоянно нагнетаемая ксенофобия (по отношению к империалистическому Западу и особенно Америке), объясняемая агрессивностью устремлений Запада (НАТО, СЕАТО, ООН, «германский реваншизм», «американская военщина» и т. п.) в отношении Советского Союза и советских людей. Непрерывная подготовка к предстоящей войне, еще более жестокой и страшной, чем Великая Отечественная. Нагнетаемая повсеместно шпиономания (особенно гипертрофированная в условиях отсутствия иностранцев), политическая и идеологическая бдительность, перерастающая в маниакальную подозрительность к любому, даже самому невинному инакомыслию» [50, с. 60].

С.В. Кондаков, цитируя журналиста В. Ракова, замечает, что «принципиальным рубежом» в истории Перми является ее «открытие» в декабре 1987 г., когда она «была исключена из списка закрытых городов» [50, с. 60]. «В 1988-м на улицах Перми появились иностранцы. Но на них, что любопытно, не сбегались глазеть толпами: Пермь по-буддийски отрешенно скользнула по ним взглядом и занялась своими делами. А между тем «открытие» Перми – событие, которое трудно переоценить. Оно стоит в одном ряду с основанием города и губернии. Так вот, Пермь не заметила, как стала «открытой» [50, с. 61]. С.В. Кондаков полагает, что «либо население Перми не расположено к рефлексии [...], либо само преодоление границы между «закрытостью» и «открытостью» было так малозаметно, а сама граница была так размыва, что Пермь и до сих пор осталась в положении «полуоткрытой» территории или, точнее, осталась городом «полузакрытым» [50, с. 61].

Естественно, что советский город не может рассматриваться только в рамках модусов закрытости/открытости, хотя, конечно, они во многом определяли его жизнь и быт горожан. Уже упоминавшийся С.В. Кондаков делает упор на экстремальные условия и лишения, указывая, что «жизнь в закрытом городе протекала в зазоре между мелочным повседневным контролем, осуществлявшемся насмерть перепуганным начальством,

руководителями всех звеньев, воспитанными при сталинском режиме, и натиском «барачной шпаны», порождения пермской зоны, – полукриминальной, полувоенной ватаги, результата непроизвольного скрещивания поколения гулаговских эков и лагерных вертухаев. Не забудем и о «военном векторе» послевоенной жизни: все вокруг было наполнено пульсом войны – и прошедшей, и виртуально продолжающейся. Поэтому и в школе, и во дворе, на заводе и в парткоме царил виртуальная война – всех со всеми. Она – вольно или невольно – проецировалась на окружающую повседневность, подпитывала ее семантически и семиотически» [50, с. 62].

К жилищному кризису добавлялся «продовольственный кризис», который в Перми, по наблюдениям С.В. Кондакова, никогда не прекращался. «Рядом с нашим домом на Комсомольском проспекте (ныне именуемом Компросом) был магазинчик типа сельпо. В одном углу продавались женские панталоны и бюстгалтеры, в другом – продовольствие. Кроме серого и темного хлеба (батоны были редкостью) продовольствие делилось на два раздела. Во-первых, рыба – острого, пряного, крепкого, слабого посола, от кильки до селедки – каспийской, балтийской, атлантической, тихоокеанской, на любой выбор и вкус. Во-вторых, масла (кто их использовал и на что?) – льняное, кунжутное, кукурузное, ореховое, джутовое, конопляное, подсолнечное и т. п. и примыкавший к маслам комбижир – кубы темного, коричневого вещества, напоминающего технический пластилин. Появление иных съедобных товаров сопровождалось страшными очередями.

Я помню, как мы с бабушкой обреченно стояли часов пять в магазин, называвшийся в просторечии «Ямкой», за шведским сливочным маслом, упакованным в деревянные бочонки. Достоялись! Купили на двоих, целый килограмм (давали не больше чем полкило в руки). А когда году в 1957-м вдруг открылся колбасный магазин и там стали продавать вареную колбасу под названием «Ленинградская», моя бабушка, пережившая разный голод,

высказала предположение, что эта колбаса без признаков мяса сделана по рецептам блокадного Ленинграда. Кульминацией продовольственного кризиса стал Карибский кризис, в результате которого пермяки смели с прилавков все консервы. А на следующий, 1964 год, начался хлебный кризис. Многоквартирные очереди за «забайкальским хлебом» – мокрым, вязким, тяжелым, сделанным как бы из толченого гороха. Стояли по несколько часов» [50, с. 61-62].

Суммируя впечатления от талантливой работы профессора В.И. Кондакова в терминах хронотопии, можно было бы сделать следующие выводы: об одномерности закрытого пространства и переносе «закрытости» на все пространства – культуры, образования, социальной коммуникации; о естественности подобного хронотопа для жителей города, среди которых лидирует полукриминальная и полувоенная «ватага»; о повседневности, пропитанной семиотически и семантически необходимостью «добывать» (продукты, услуги, элементарные условия выживания). Добавим к этому закрытые лагерные пространства, трактовавшиеся сотрудниками как места славного перевоспитания народа; недоверие к другому культурному контексту – от дягилевско-пастернаковских мотивов до выставочных экспериментов М.А. Гельмана и его команды. Тем не менее, судя по другим источникам, городское сообщество данного «закрытого города», так же как и других подобных городов, является активным и деятельным, что подтверждает недавнее исследование «Пермь как стиль» [69]. Как считает профессор А. Аузан, Пермь стала «самым либеральным городом России», то есть расширившим и открывшим свои границы.

О.А. Зиновьева – кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков факультета регионалистики МГУ имени М.В. Ломоносова. О.А. Зиновьева одной из первых в постсоветское время начала заниматься урбанистическими ландшафтами Москвы, несравненно маркирующими эпоху и ее столицу символами власти, сакрализацией времени и пространства.

2.6. «Дорогая моя столица»: от сталинского стиля к евроремонту

Другой аспект взаимосвязи пространства и времени в Москве представлен в статьях, посвященных общим проблемам урбанизации. В них сделана попытка показать трансформации урбанистического ландшафта, в том числе в столице, отвечающие требованиям времени или запросам власти.

О.А. Зиновьева на примере московской урбанистической среды 1930–1950-х годов, охватывающих период воплощения генерального плана реконструкции Москвы 1935 года, рассматривает «противоречивые тенденции «замораживания» времени и одновременно движения в нужном направлении» [38, с. 30].

О.А. Зиновьева отмечает, что «город своей планировкой, обликом улиц и зданий не только физически обеспечивает движение пешехода или транспортного средства в определенное время, но и символически может выразить сложные коммуникационные сообщения, возникающие в ходе развития этого города.

...Урбанистический ландшафт неоднократно использовался властными структура-

ми, монархами и диктаторами для утверждения своей власти, продвижения идей и манипулирования массовым сознанием в своих интересах.

Сильная власть, имеющая неограниченный контроль над всеми ресурсами, как человеческими, так и материальными, собственно, боится только двух своих врагов – времени и смерти, то есть ускользающего пространства, находящегося вне нашего поля зрения. С этой точки зрения архитектура тоталитарного города приобретает характер вечного и обездвиженного, что отчетливо проявляется в концепции «застывшего» движения барельефов Древней Месопотамии и Египта, символизирующих незыблемость установленного строя и порядка. С другой стороны, монументальная пропаганда, навязывая свою волю подданным, использует обещания и наставления. В этом плане представляет интерес концепция будущего царства благоденствия для всех, некоего рая, в который смогут попасть только избранные, выполняющие все законы, установленные властью» [38, с. 29].

«Генеральный план развития Москвы 1935 года не знал себе равных по размаху, а также по задействованным человеческим и материальным ресурсам. Старый город исчезал под ударами отбойных молотков, которые так часто встречаются в скульптуре того времени, а новый город – сакральная столица великого вождя народов – выростала в невиданные сроки... С 1935 по 1953 год строится самая удивительная транспортная система в мире – московский метрополитен с подземными дворцами... За этот период было проложено около 50 км трасс и открыто 50 уникальных подземных залов, вдохновляющих на труд, с обещаниями наступления времени всеобщего благоденствия и процветания...» [38, с. 30-32]. О.А. Зиновьева ссылается на философов, историков, культурологов, для которых «сталинский ампир» – это символы власти, ее побед над временем и смертью. Архитектурный ландшафт Москвы 1930–1950-х годов – это важнейшие символы власти и идеологии: высотки, торжественные залы метрополитена, прямые как стрела проспекты, воплощенный земной эдем ВСХВ (Всесоюзной сель-

скохозяйственной выставки), а с 1957 года – ВДНХ (Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства). В этом ключе трактуют сталинский ампири Владимир Паперный в книге «Культура Два» [68], Карл Шлёгел в своей фундаментальной работе «Террор и мечта. Москва 1937» [87] и другие авторы, на которых ссылается О.А. Зиновьева.

На пороге 1990-х Москва, а потом и вся Россия, пережила новый сдвиг. Менялись институты власти, убеждения, политики, но всеми был принят «евроремонт». В короткий период была налажена индустрия по производству красивых и экономичных «стеклоблоков», дверных проемов, новых обоев, полов. Гигантские супермаркеты по строительным материалам – «Леруа Мерлен», «Баумаркет», «Икея» – забиты покупателями. Москва 2000-х застроилась новыми символами власти и богатства – стеклянными кубами богатейших офисов, банков, живущих особой жизнью и «не чувствующих под собою страны».

Вот как диагностирует эти проблемы профессор К. Шлёгел. Цитата, которую не хочется прерывать, – так точно она, по-нашему мнению, описывает новые реалии российской столицы, транслирующей изменения на другие города: «Социалистический город устроен совсем не так, как город капиталистический. Первый не нуждается в банках и, соответственно, в особом квартале финансовых учреждений; второму необходимы и то, и другое. Первому не нужны многочисленные гостиницы и рестораны, второй не может без них нормально функционировать. Первый размещает своих жителей в многоквартирных зданиях типовой застройки, второй – не только в них, но и в многочисленных частных домах и особняках. Первый предпочитает стадионы, второй – оздоровительные учреждения и центры фитнеса. Улицы первого служат прежде всего для общественного транспорта, второго – для массового индивидуального...».

Однако массовые перемены постсоветского времени навсегда будет символизировать «евроремонт»: невиданно массовый способ сделать свое

личное пространство более комфортным, повисить свое личное качество жизни. По мнению ученого, это наиболее зримый признак перемен – «оживленное строительство, какого, вероятно, не видели со времен сталинских генеральных планов 1930-х годов и послевоенных лет, когда восстанавливались разрушенные города» [88].

2.7. Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье

Исследуя историческую судьбу малых городов на примере Бузулука, автор отмечает, что «в XX веке эти города пережили ломку своего хронотопа, пытаясь подстроиться под тренды эпохи ускоренной индустриализации и урбанизации. Их военно-оборонительная функция стала неактуальной в условиях постоянных территориальных приращений, административная система тоже претерпевала реорганизацию, актуальность в этих условиях удалось сохранить лишь городам-заводам и городам – транспортным узлам. Пространство остальных городов было

«Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье» – так называется диссертационная работа Н.В. Барабошиной (2013) и серия аналитических статей, выполненных ею совместно с авторами настоящего исследования. Они посвящены пространственно-временной диагностике малого города в России. Наталья Барабошина живет одновременно в разных городских пространствах. Она выпускница Екатеринбургского педагогического университета; преподаватель Бузулукского филиала Оренбургского университета; соискательница кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета; диссертантка Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва; посетительница авангардных выставок в Перми и страстная туристка. Н.В. Барабошина – мобильный молодой ученый, преданный теме малых городов России.

кардинально «перекроено», что повлекло за собой смену «смысла» города, зафиксированного его хронотопом. Исторический (эригерный) тип малого города был подменен эсдорным типом. Это малый город, основанный в советский период, имеющий сравнительно небольшой объем культурного наследия, характеризующийся наличием градообразующего предприятия, обладающий отдельными памятниками истории и культуры, современной архитектурой и развивающийся как центр административно-культурного, промышленного и сельскохозяйственного значения» [8, с. 36].

Малые города в отличие от мегаполисов способны создать более гармоничные площадки коммуникации, единую коммуникативную среду. Малый город говорит с его жителем на близком и понятном языке знакомых, друзей, родственников. Пространство города, освоенное в мелочах и знакомое с детства, не содержит тайн и опасностей, а заранее готовит горожанина к восприятию, действию в самом широком смысле (как внутреннему, так и внешнему). Коммуникация малого города имеет характер более близкого, неформального, личного взаимодействия. Здесь принято здороваться в магазинах и интересоваться личными делами начальника, знать в лицо городских чиновников и соседей по улице.

«Бузулуку как малому историческому городу требуется не только воссоздать традиционные коммуникационные площадки (церковь – рынок – прогулочная аллея), но и дополнить их современными виртуальными и реальными (креативными, публичными) пространствами городского общения» [8, с. 37-38].

Исследуя ментальные карты молодежи малого города, авторы приходят к печальным результатам. Лишенная работы и перспектив в своем городе, наслышанная о возможностях и социальных лифтах своих земляков в советское время, молодежь бежит из малых городов. Вернее, живет в постоянном транзите: работает на стройках в больших городах, но женится в малом городе; довольствуется малоквалифицированной работой, поскольку

ку в малом городе негде учиться, жизнь «одеревенчивается», а в большом городе нужны другие образовательные ресурсы, подготовка и связи. Хочется убежать из малого города, как свидетельствуют ментальные карты, но это недостижимо для «бедных одиночек». Хронотопия малого города теряет свои городские основания, а городское сообщество не строит планов.

2.8. «Третьи столицы» — Казань, «Екат», Нижний и другие

Миновать Казань, говоря о развитии современных российских городов, – невозможно. Символическое пространство и время этого современного города наиболее эффективно формируется медийными и художественными средствами.

Важнейшая тема, связанная с Казанью, – формирование имиджа «третьей столицы». Мегасобытия заполняют городской фестиваль города: Универсиада, фестивали с глобальной философской тематикой – «Сотворение мира», «Аксенов-фест», «Балетный фестиваль имени Рудольфа Нуриева» и многие другие. Сошлемся, например, на уникальный, именно казанский фестиваль «Зиланктон» – крупнейший в России международный сбор любителей фантастики, толкинистики и ролевых игр. Данный проект, так же как и многие другие уникальные имиджевые и туристические программы, – результат городских инициатив, поддержанных властями. Как отметили участники автопробега 2014 года, подготовленного радиостанцией «Эхо Москвы», столица Татарстана лучше развернула туристическую индустрию, чем все вместе взятые города Российской Федерации [47].

Параллельно проходит множество проектов, культивирующих прошлое города: полиэтнического, разноконфессионального, являющегося старейшей университетской столицей на Волге. Приведем один пример того,

как мощная и современная Казань культивирует тоску по своему историческому прошлому. В стареньком домике, где прошло детство В.П. Аксёнова, в музее его имени летом 2014 года проходила выставка художницы Евгении Шапиро «Казань, которой нет»³³. Этот ностальгический мотив в преуспевающем городе заслуживает серьезной диагностики, к которой мы также будем еще возвращаться.

Культурную жизнь «третьей столицы» проектируют и организуют специалисты мирового класса, прекрасно ориентированные в идеях, технологиях и востребованные в своем городе.

Социокультурный феномен «третьих столиц» – Казани, «Еката» (как блоггеры называют сегодня Екатеринбург), Нижнего Новгорода и других – объединяет сообщество профессионалов. В этих городах тон задают блестяще образованные, потрясающе театральные, везде востребованные эксперты-культурологи.

Отметим попутно, что вопросы современного городского менеджмента, поставленные в статьях некоторых самарских авторов – А.С. Абрамовой и С.Е. Чичёвой [85], К. Рафиковой [71], далеки от уровня глобальных проектов российских «третьих столиц». Когда в качестве примера «исторического города» ссылаются на 15-тысячный Ротенбург, «законсервированный» и миниатюрный городок на юге Германии; на отдельные памятные места и музейные проекты по типу «вот я там был», «а хорошо бы в нашем городе вот такой музей» – это выглядит наивно. Начитанные культурологи работают вне профессионального сообщества, зациклены на деталях и маловлиятельны в своих городах. Им есть чему поучиться в «третьих столицах»: системности, координации с местными институтами власти и культуры.

Вернемся к «третьим столицам». Сошлемся еще раз на статьи профессора И.М. Лисовец, профессора Е.Г. Трубиной, которые предлагают принципиально новые «точки роста» и трансформации постсоциалистического города: «...использовать вышедшие из производственного оборота части

городской территории в качестве места встречи современного искусства с публикой. В экспозиционное пространство превращаются заброшенные промзоны, где устраиваются фестивали и выставки актуального искусства, в силу своей приближенности к повседневности органично включенные в новые площадки. Тогда эстетически значимым оказывается пространство старых заводов, в соседстве с актуальным искусством по-новому звучит архитектура конструктивизма, сформировавшая художественную формулу и уже и современный имидж города» [61, с. 77]. Отметим, что теоретические идеи произносятся не только в университетских аудиториях, – идет активное консультирование властных и менеджерских структур.

И.М. Лисовец также отмечает, что «...развитию городского пространства в аспекте его образной выразительности способствуют помимо архитектуры и так называемые арт-практики – стрит-арт, граффити, флэш-моб, перформансы, паблик арт, современная городская скульптура. Актуальное искусство в форме арт-практик, живущее прямо в повседневности, вовлекает жителей городов в контекст современной культуры, побуждая к активному переживанию, заставляя взглянуть на привычную среду по-новому. К актуальному искусству эстетики искусствоведы, культурологи относят новейшие виды и способы художественного творчества, разделяя искусство, возникшее и развивающееся в современной культуре, от искусства исторических эпох. Эти отличия обусловлены прежде всего особого рода отношениями искусства с моделируемой реальностью и, соответственно, специфическим его бытованием. Художественная реальность арт-практик вырастает непосредственно из до-художественного мира, в который человек погружен в своем повседневном существовании и который меняется в их присутствии. Несомненным достоинством арт-практик, определяющим их креативный статус, является то, что здесь не надо ходить в музеи, театры, концертные залы, – они живут там, где пролегают обычные маршруты горожанина. Они и рассчитаны на человека «с

Профессор Е.Г. Трубина – один из известных в мире ученых-урбанистов. Созданные ею вузовские учебники (Трубина Е.Г. Урбанистическая теория. – Екатеринбург, 2008; Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011) – явления глобальной научной культуры. Е.Г. Трубина – получатель ряда престижных зарубежных исследовательских стипендий, в том числе фондов DAAD и IFK.

улицы», приглашая именно его к сотворчеству. Бурный расцвет арт-практик и дизайна среды способствовал превращению города в зрелищное событие человеческой жизни» [61, с. 75-76].

Об инструментальном влиянии культуры на рост города говорится в статье Е.Г. Трубиной «Мега-события как часть популярной культуры», любезно предоставленной ею для альманаха 2012 года «Город и время»: «Грань между образом и реальностью, реальным и виртуальным, сущностью и кажимостью сегодня стерта. Фрагментация культуры, обусловленная господством визуальности, делает излишними все определявшие культуру в прошлом повествования и громкие слова. Сориентированная на образы коммодификации реального городского опыта, она выражается, среди прочего, в разнообразных организованных праздниках, зрелищах, событиях, которые, предполагается, люди созерцают, а не участвуют в них» [81, с. 117].

Автор уверена: «...политические события, публичные юбилеи (к примеру, городов), церемонии, фестивали и другие культурные события должны не только способствовать повышению известности того или иного города, но и вовлекать граждан этих городов. Однако пространство гражданского участия в подобных событиях сужается, а решения о том, что праздновать и как «поставить» то или другое событие, принимаются без учета интересов жителей городов. Образ самой себя, который складывается у городской общности, остается, по-видимости, туманным и ускользающим от понимания» [81, с. 117].

Подводя итог, можно сказать, что пространство и время как смысловые координаты города, находя воплощение в реальных городских структурах и формах, обеспечивают целостность города как системы, задают определенную систему коммуникации, в пределах которой осуществляется взаимодействие горожанина и города, обеспечивают идентификацию горожан и презентацию города. Изучение хронотопии города существенно раздвигает границы восприятия, интерпретации и анализа жизни города и поведения горожанина, позволяет глубже проникнуть в структуру и содержание городских систем, дает возможность осуществить исследовательский анализ городской среды и менталитета горожанина, открывает перспективы диагностирования изменений, происходящих в обществе и повседневной жизни человека, в том числе в процессах его самоопределения и идентификации.

III

Глава

К гипотезе пространственно- временной диагностики города

3.1. Полифония городских пространств: исследовательская платформа

Изменения в российском обществе не могли не затронуть городов, являющихся фокусом всех сфер деятельности человека, которые зачастую оказываются неприспособленными к новым социально-экономическим условиям. Городская среда изменяется, и часто этот процесс протекает проблематично, что заставляет переосмысливать городские реалии. При анализе сложных и очень разнородных по своей организации систем города перед исследователем неизбежно встает проблема методологии.

П.Г. Щедровицкий предлагает рассматривать те подходы, которые с различных сторон анализируют процессы деятельности и жизни людей, ассимилирующие эту морфологию. Ассимиляция происходит через пространственно-временные ориентиры горожан, существующих в определенном «топосе» и «хроносе». Таким образом, города могут быть ранжированы по

Н.Г. Щедровицкий предлагает оставить в стороне наивные попытки выдать за сущность «города» морфологию застройки и «материальную скорлупу». Петр Георгиевич Щедровицкий был инициатором и одним из первых консультантов создания «Стратегий городского развития» на посту советника Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе. Заместитель директора Института философии РАН по научной работе, доктор философских наук.

философско-культурологическим признакам. Базовая платформа – полифония пространств в волжском и уральском городе, в малом городе и столичном мегаполисе.

Мы уже отмечали такие специфические, философско-культурологические аспекты города, как «полифония городских пространств», то есть одновременное сосуществование разных смысловых ниш, в прямом смысле разных пространств, в которых реализует себя городское сообщество. Чем более успешен город, тем объемнее полифония городских, то есть смысловых, пространств.

Приведем пример: оказавшись в европейском городе, считающемся привлекательным, вы обнаруживаете десятки и сотни интенсивно работающих и доступных публичных пространств: открытые лекции в традиционной университетской аудитории, в новых центрах академического общения (типа O.A.:S.E.), семинары

в кафе, в бывших цехах, экскурсии на улицах и многое другое. На почте, на вокзале или в кафе можно взять увесистый том информации, суммирующей открытое и интенсивное общение горожан. Профессор Т. Щитцова говорит, что это многообразие и полифония форм и инициатив, насыщенность «малой гражданской жизни» – то, что поразило ее более всего в городах Германии.

Напомним, что термин «полифония» М.М. Бахтин использовал в связи с «полифоническим романом» Достоевского, имея в виду его особое жанровое наклонение. Борьба и взаимное отражение сознаний и идей составляет, согласно Бахтину, суть жанровых структур писателя. Герой, считает Бахтин, «более всего думает о том, что о нем думают и могут думать другие, он стремится забежать вперед чужому сознанию, каждой чужой мысли о нем, каждой точке зрения на него». Неотъемлемой чертой полифонического романа Бахтин считает то, что голос автора романа не имеет никаких преимуществ перед голосами персонажей.

Описанная сейчас «полифония городских пространств», или «хронотопия», не может диагностироваться экономистами или социологами. Важна интерпретация смыслов на многообразных площадках, инструменты для понимания которых, вероятно, могут предложить проницательные эксперты-гуманитарии.

Исследователь И.Л. Сиротина подчеркивает важную роль данных пространств: «Фактически эти пространства играют роль обучающей, наблюдательной площадки, на которой люди видят и изучают друг друга, набираются опыта о том, какие есть социальные группы, образцы поведения и т. п. Особенно это принципиально для молодых людей, для которых публичные пространства – одна из площадок социализации» [78, с. 113].

Автор утверждает, что «образовательное пространство» – это особый тип пространства, локализованный не в физическом, а в социальном пространстве: «Образовательное пространство представ-

Профессор, доктор педагогических наук В.А. Курина работает в Самарской государственной академии культуры и искусств. Профессор Курина рассматривает проблему образовательного пространства в аспекте, близком хронотопии.

ляет собой структурированное многообразие отношений между субъектами образовательного процесса. Отношения между субъектами образовательного пространства обусловлены процессами трансляции информации» [57, с. 69].

Анализируя «образовательное пространство», Курина выделяет его структуру и цели: «Само образовательное пространство представляет собой достаточно сложно устроенную пирамиду пространств. В нем достаточно просто выделяется ряд уровней, известных в педагогической литературе под различными обозначениями: глобальное образовательное пространство, образовательное пространство страны, региональное образовательное пространство, городское (территориальное) образовательное пространство, муниципальное образовательное пространство и так далее. Как видно из самих названий, ведущим основанием для структурирования

пространства выступает система координат, территориальная составляющая пространства» [57, с. 73].

А.В. Жоголева полагает, что пространство имеет свои маркеры, представленные в различных видах архитектурных построек, и что Самара обладает современными пространствами мирового класса – в нашей терминологии «полифоническими пространствами», которые одновременно «звучат» и дополняют друг друга: «Возникают городские пространства, которые как узлы осуществляют функции организации, собирания, управления и перераспределения транспортных, финансовых, товарных, миграционных, информационных и других потоков – «пространства потоков», в местах пересечения которых образуются узлы интенсивной деловой активности. Территориально такие пространства закреплены в центральных районах крупных городов, технополисах, высокоурбанизированных территориях,

Анна Владимировна Жоголева – кандидат наук, доцент архитектурно-строительной академии в Самаре. Имеет множество публикаций по стратегиям развития Самары и авторских архитектурных проектов. Убедена в глобальном уровне развития своего города.

деловых центрах. ...В архитектурной типологии большое распространение получают объекты, дающие прибыль (торгово-коммерческие, досуговые) и объекты «индустрии гостеприимства» (выставочные, гостиничные объекты, внешний транспорт и пр.). Проектно-творческая составляющая архитектурной деятельности «пространства потоков» – проектирование архитектурных оболочек геометрических, информационных потоков и встраивание их в центральные деловые районы на основе диалогического творческого мышления» [37, с. 83-84].

«Пространство потоков», по мысли молодого ученого и теоретика архитектуры, весьма успешно формируется и в Самаре: «Самарский железнодорожный вокзал стал крупнейшим вокзалом в Европе, в составе аэропорта Курумоч идет строительство нового пассажирского терминала. Гостиницы «Холидей Инн», «Ренессанс», загородные парк-отели, ВЦ «Экспо-Волга» – такое строительство является исходным условием формирования «пространства потоков» становящегося постиндустриального общества» [37, с. 85].

Вместе с тем есть значительное количество откликов и профессиональных суждений, высказывающих мысль о неудовлетворенности и бедности культурных пространств города. Наличие крупнейшего вокзала не компенсирует второсортности театральные афиш, отсутствие заметных лидеров культурной жизни не заменяют гостиницы типа «Холидей Инн».

Многие культурологи фиксируют на этом внимание. Так, И.Л. Сиротина пишет: «В последние десять лет развитие городских территорий происходило за счет инвестиций в коммерческую и жилую недвижимость. В результате лучшие территории теперь заняты офисами и крупными торговыми центрами. Но торговые центры не добавляют новых форм жизни, зато крадут силу сложившейся среды, размывают историческое ядро городов, напрямую конкурируют с ним и подавляют. Предоставляемый выбор товаров оставляет для креативной деятельности практически единственную форму – потребление» [78, с. 110].

Для развития города чрезвычайно важной стороной его жизни оказывается множественность пространств как в сфере образования, так и в сфере рекреации, несущая в себе символический капитал и значительный потенциал для социально-экономического развития. Городское образовательное пространство давно уже не исчерпывается только лишь учреждениями образования, а потому рассматривается авторами статей с разных ракурсов.

Город не исчерпывает себя только лишь формой поселения и экономической организации, скорее это сложная система, интегрирующая разные формы жизнедеятельности в одну самостоятельную саморазвивающуюся систему с большим количеством подсистем. Хронотопия – метод консолидированного и дифференцированного рассмотрения системы в целом.

Изучение множественности городских пространств неизбежно ставит вопросы о возможностях, преимуществах или ограничениях городов определенных типов. В текстах альманаха «Город и время», посвященных методологии изучения пространств, перекликаются однокоренные слова и сопоставимые понятия – рекреация и креативность.

3.2. Хронотопы прошлого, настоящего и будущего

Наряду с диагностикой городских пространств встают вопросы о типологии времени: дореволюционный город, советский город, постсоветский город – какую палитру многообразных хронотипов они давали, сравнимы ли они между собой? Каковы «стяжки времени» в разных городах, кто верстает «расписание мероприятий» (ту самую толстую книжку, которую вы возьмете на почте или на вокзале), кто предлагает и отбирает мероприятия? Кто заказывает гражданские инициативы и где их границы? Основная платформа времени в современном городе – синтез времен, упорядочение памяти и прошлого наряду с осуществлением настоящего и планированием будущего.

«Синтез времени» в городе имеет не только простейшие формы афиш, расписаний, но и формы памятников, музеев. Музеефикация и коммеморация, к которым стремится каждый город, нередко лежат в русле исследований времени – хронотипов. Горожане начинают свою жизнь рано утром, планируя время на дорогу, учебу, развлечения. Им необходимо удобное «профанное» (обыденное) время, которое можно экономно использовать в общественном транспорте, нужна обеспеченность инфраструктурами, экономящая время. Им нужно также внутри города сакральное время: памятников, храмов, театров и других «мнемонических систем». Память этого города смыкается с глобальными символами.

Хронотопия советских и постсоветских городов нередко выражалась в системном нарушении «синтеза времени». Прошлое молниеносно удаляется как непредсказуемое или постыдное. В послереволюционной Самаре моментально исчезла память о просвещенных и европеизированных купцах: кто-то ушел из жизни или исчез из города, кто-то «из прежних» провел остатки

дней в коммуналках, как некогда знаменитая владелица удивительного дома Сандра Курлина. Новая эпоха не захотела «ассоциировать» себя с купцами, так же как забыты и стерты из городской памяти поколения инженеров эпохи индустриализации. Попробуйте сказать о табличках на месте бывших заводов или о музеях памяти индустриальных профессий – вас сочтут отсталым человеком.

В философско-культурологических исследованиях эти проблемы осмысляются как проблемы мнемотехник, институтов памяти, коммеморации. При этом фиксируется как бы формальная сторона. Сошлемся, например, на статью И.Ю. Соломиной «Социальная память города: формы запоминания и забвения»: «...каждый город вырабатывает в процессе своего историко-культурного развития свои особые формы культуры, существование которых невозможно без сохранения, трансляции и воспроизводства культурного опыта» [79, с. 163].

Борис Александрович Кожин – неподражаемый мастер рассказов о «самарских характерах», о людях и событиях в городе, о «связках времени». О пространствах величины с почтовую марку, как сказал бы Уильям Фолкнер. Спасибо еще и Светлане Внуковой, которая записала его устные рассказы. Борис Кожин владеет мастерством совмещения обыденного и глобального пространств: один двор и весь мир. Мы не случайно рядом с Кожиним упоминаем Фолкнера.

Ирина Юрьевна Соломина – кандидат философских наук, доцент и декан СГОУН. Ищет возможности совмещения философских теорий и урбанистических практик. Декану факультета туризма и сервиса без практик никак нельзя.

И далее пишет Соломина: «В коллективной и культурной мнемотехнике пространство играет ведущую роль... Места памяти необходимы для каждого общества и культуры, потому что у современных обществ есть потребность жить согласно своей истории. В то время как память представляет собой живую, экзистенциальную связь с прошлым, история выступает как простое представление прошлого, поэтому места памяти – это те места, где происходит своего рода объединение социальной памяти и истории» [79, с. 166].

Представляется, что философская рефлексия могла бы направить внимание на цивилизационные процессы, на свойственную русской культуре инверсионность.

«Только за последнее столетие мы уже не один раз начисто переписывали свою историю, меняя плюсы на минусы, черное на белое, героев на злодеев. Для нас история – это поле битвы, на

котором мы яростно разбираемся не столько с нашим прошлым, сколько с настоящим и будущим нашей страны» [77].

Реальные модусы времени довольно трудно интерпретировать с помощью формальных построений. Они всегда конкретны и неожиданны. Приведем пример, связанный с локальными городскими практиками 1990-х годов.

В рассказе-пародии В.П. Аксёнова «Пароход мира «Василий Чапаев» главный памятник Самары – памятник Чапаеву – трактуется с большой иронией. Фабула следующая: оказавшиеся в Самаре йоги видят в скульптурной группе, возглавляемой Чапаевым, «демонов». Олицетворенные демоны не дают освободиться горожанам. Только усиленные действия местных гуманитариев, выражающиеся в потоках анекдотов про Василия Ивановича, спасают город от «демоноборчества». Через смех и хохот приходит освобождение. Писатель, несомненно, создал замечательное произведе-

Многолетняя работа А.С. Ахизера (1929–2007), культуролога и философа современного научного мира, с урбанистической тематикой (он окончил аспирантуру и долгое время работал в НИИ градостроения, теории, истории архитектуры) делает его исследования особенно ценными для нашей темы [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Идеи Ахизера одни считают культовыми концепциями, другие – надуманными схемами. Очевидно, что общий взгляд на российскую цивилизацию сегодня необходим, в том числе, для анализа российских городов.

Незабываемы университетские «Аксёновские конференции» в Самаре с участием писателя. Трижды бывал в Самаре выдающийся писатель и профессор Мейсон-университета в США Василий Павлович Аксёнов. Сначала это была инициатива тогдашнего мэра города Олега Николаевича Сысуева, а также старинного друга писателя – доктора технических наук, профессора Владимира Андреевича Виттиха. Потом прошли «Аксёновские конференции», в которых в разные годы участвовали Б.А. Ахмадулина, В.Н. Войнович, Е.А. Попов и другие прекрасные поэты, писатели, друзья Аксёнова. Потом появились на свет два сочинения писателя, в которых «прозвучала» Самара: пародийный рассказ про памятник Чапаеву и многослойный роман, в котором Самара оказалась «соседкой» Москвы, Нью-Йорка, Парижа и еще 30 городов мира.

После самарских «Аксёновских конференций» 1992–1994 годов инициативу перехватила Казань. «Третья столица» запустила мегафестиваль «Аксёнов-фест», создала музей Аксёнова. Так было при жизни писателя, и эти проекты живут в Казани и после его смерти.

дение, и оно навсегда останется подарком Самаре.

Однако в реальности самарцы любят свою Театральную площадь с ее немислимыми и давно сросшимися коллажами времен и стилей. Драматический театр как домик-пряник и динамичная сценическая группа из черного металла – Чапаев и его дивизия – давно стали единым образом, любимым горожанами. Театральная площадь с театром и памятником Чапаеву – синтез разных времен, прошедших через Самару. К тому же – потрясающий ландшафт. Рядом – волжский обрыв и немислимой красоты панорама Волги и Иверского монастыря. Респектабельные купеческие особняки и парафраз на модернистскую архитектуру Альфонса Мухи только дополняют впечатление: все здесь были, и мы всех принимаем. Нравится горожанам синтез времен и героев на Театральной площади Самары. Никаких демонов горожане здесь не находят.

Сергей Моисеевич Лейбград так описывает любимые городские феномены, консолидировавшие разные времена. Еще «в пятидесятые в городе появилась выдающаяся – почти на четыре тысячи томных прогулочно-медлительных метров – гранитная набережная, самая блаженная и непосредственная самарская горизонталь. Диссидентов в Куйбышеве не было никогда. Официозу противостояла блатная стихия заводских окраин. Миллионный город вступил в пору своей зрелости. Десяток вузов, в основном технических, около ста тысяч студентов в шестидесятые годы станут почвой для появления удивительного Грушинского фестивального космоса, расположившегося между Куйбышевым и Тольятти, где вот уже более тридцати лет подряд в начале июля серьезные советские граждане-технари вместе с частью высшего и среднего чиновничества сбрасывают свои одежды и в карнавально оголенном виде поют

Сошлемся на С.М. Лейбграда – талантливого интерпретатора Самары, которому свойственна ироническая интонация, сочетающаяся с большими знаниями и любовью в городу. Лейбград – мастер поэтических образов, представляющих в одном-двух предложениях целые эпохи городского бытия.

тихие песни Визбора, Клячкина, Городецкого, Никитина и прочих самодельных авторов. Сейчас Грушинский фестиваль собирает одновременно до 150 тысяч человек, но и в советские годы туда съезжалось от 10 до 50 тысяч любителей туристической песни...» [59].

Это тоже «синтез времен», охват разных городских времен и событий. А также – диагностика города через хронотопы и хронотопию. В поэзии и прозе С.М. Лейбграда нередко звучат полифонические пространства Самары.

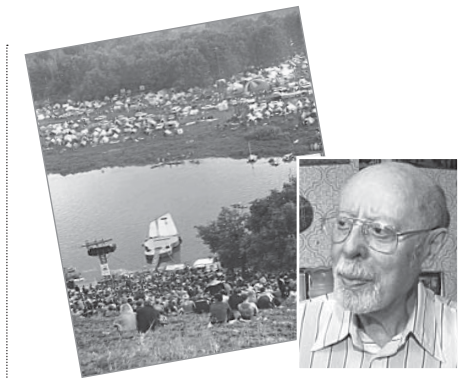
Обращаясь к теоретическим выводам, можно сказать, что общие свойства и смыслы городского сообщества кристаллизуются именно в полифонии городских пространств. Иначе говоря, хронотопия имеет шансы стать заметной для теории и различных урбанистических практик.

3.3. «Инициатива ненаказуема»: креативные индустрии

Мир XXI века мало похож на мир середины или начала XX века. Трансляция культуры исключительно через специальную деятельность новых поколений в условиях особо организованных учреждений во все большей степени отходит в прошлое. Возрастает роль других типов трансляторов, ранее либо не использовавшихся в этих целях, либо не рассматривавшихся как трансляторы культуры. Сказанное относится к таким явлениям нашей действительности, как субкультуры, Интернет, средства массовой коммуникации, средства искусства (музыка, кино, видео) и т. д. В трансляцию культуры также оказываются вовлеченными такие социальные институты и организации, которые ранее в ней не участвовали либо участие которых было малозначимым и незаметным: крупные корпорации, некоммерческие и общественные организации, заповедники, туристические объекты, музеи, отели, магазины и т. д.

В этом контексте и возникают полифонические городские пространства, объединяющие разные времена. Грушинский фестиваль – прославленный «русский Вудсток», один из важнейших брендов современной российской культуры, пользующийся популярностью также и за рубежом – был и остается поразительным феноменом гражданской инициативы. В этом аспекте знаменитый фестиваль бардовской песни, созданный в «закрытом городе», рупор индустриально-промышленной Безымянки, остается любимым, дорогим и также «неопознанным» объектом.

Известно, что на Машуровских озерах собиралось более 100 тысяч участников и зрителей, песни звучали одновременно на четырех сценах. Гостями фестиваля были великие барды – Ю. Визбор, А. Городницкий, Т. и С. Никитины. В памяти старожилов остались палатки, гитары и незабываемые старые песни: «Изгиб гитары желтой», «Солнышко лес-

Исай Львович Фишгойт (1927–2013) – «глыба», просветитель и душа гражданских инициатив в Куйбышеве-Самаре 1960–1990-х. Школьный учитель с Безымянки, один из основателей ГМК – легендарного городского молодежного клуба, реформатор школы по системе композитора Д.Б. Кабалевского, создатель «со товарищи» лучшей школы СССР, по мнению того же Кабалевского. В студенчестве Исай Фишгойт – собеседник (!) Кима Филби, члена легендарной «Кембриджской пятерки», спрятанного в «запасной столице» на Волге. Знаменитый шпион не мог говорить со студентами Куйбышевского педагогического института на какие-либо политические темы. Но кембриджский интеллект приучил их слушать классическую музыку и джазовые композиции. В зрелости и старости Исай, как его многие называли, что звучало не панибратски, но как имя пророка, был любимым и непререкаемым моральным авторитетом нескольких поколений. Ушел из жизни он в 2013 году. Вечная память.

Лариса Николаевна Сорокина – жена и верная сподвижница, с которой Исай Львович шел по жизни последние 20 лет. Л.Н. Сорокина – доцент медицинского университета, кандидат медицинских наук, бессменный председатель медицинской комиссии Грушинского фестиваля. Лариса Николаевна многое дополняла и уточняла в рассказах и действиях И.Л. Фишгойта. Обладая поразительной пропигательностью, она вложила ум и сердце в то, чтобы сохранить нежные и ровные отношения со всеми поколениями «грушинцев». Именно Лариса Николаевна уговорила аспиранта своей кафедры Евгения Орлова показать отцу – первому секретарю обкома партии Владимиру Павловичу Орлову – фотографии и слайды с Грушинского фестиваля. Судьба фестиваля была решена одним человеком. Бывший аспирант, а сегодня профессор, заведующий кафедрой СамГМУ Евгений Владимирович Орлов нигде и никогда о своей причастности к Грушинскому фестивалю не рассказывал. Если бы не Лариса Николаевна Сорокина, никто и никогда об этом бы не узнал.

ное». Как важные семейные реликвии хранятся старые джинсы и свитера с нашивками «КСП Восток», «Груша-1974».

В официальных отчетах можно прочесть, что за все время проведения Грушинских фестивалей не было ни одного «происшествия»: ни драк, ни инфекционных заболеваний.

Как удавалось проводить Грушинские фестивали в пору запретов и закручивания гаек? Откуда родилась инициатива, гениальная организация и гениальный отсев шпаны и блатных песен?

Говоря о гражданских инициативах, напомним, что подготовку фестиваля бардовской песни имени Валерия Грушина осуществляли около 40 общественных комиссий: от строительных до медицинских. По мнению многолетних участников и лидеров Грушинского, главной комиссией было жюри, возглавляемое Исаем Львовичем Фишгойтом. Непререкаемые суждения «Исай

сказал» были приговором песне, певцу и вкусу, что имело важнейшее значение. В свою очередь, у председателя жюри были замечательные эксперты, на которых он всегда полагался: Городницкий, Никитины, а также свои «барды», выученные годами совместной работы.

Все комиссии добровольно работали весь год. Без них было невозможно не только пригласить гостей, но и даже самым бывалым просто так приехать на фестиваль.

«Анатомия» Грушинского фестиваля на том и стояла: вкус и отбор песен; гражданское самоуправление, функционировавшее весь год. Не самостоятельность, а управляемость; не блатные приколы, а поэзия и свобода роста. Душой фестиваля была песня, выбранная жюри (жестко отсеивавшим блатные выпады и безвкусицу), а «телом» – безупречная гражданская организация. 40 комиссий – это минимум 400 человек, которые планировали и воспитывали публику круглый год.

Последовавшие в конце концов расколы 2000-х, отказ от жюри и коммерциализация фестиваля потому и случились, что ушел интеллект и гражданская инициатива. Последнее решение 2014 года о возобновлении работы жюри под руководством Олега Митяева – надежда на возвращение вкуса, интеллигентности и инициатив.

Было бы справедливо заключить, что Грушинский фестиваль эпохи расцвета – это модель современных креативных практик, во имя которых мы и обратились к анализу «души и тела» знаменитого фестиваля бардовской песни.

Популярные сегодня идеи «креативных практик» немыслимы без инициативного городского сообщества. В этом контексте И.М. Лисовец пишет в статье «Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города»: «Города развивались для развития системы производства и наращивания экономического потенциала общества. В качестве фундаментальной задачи для постсоциалистических российских городов

явилась необходимость радикальной переориентации города и городской культуры на возделывание человека, живущего в нем, взамен использования и городского населения, и городских районов для обслуживания предприятий, являвшихся или являющихся градообразующими... Все более становилось очевидным, что город – это прежде всего людские ресурсы, т. е. его жители» [61, с. 74-75].

Развертывание инновационных культурных практик является важной составляющей нового процесса формирования города, живущего для людей, а не для производственных циклов. «Развитие урбанистики привело к необходимости социокультурного анализа города и вычленению культурологической урбанистики. Несомненное значение для российских урбанистических исследований имела книга Чарльза Лэндри «Креативный город»... Ч. Лэндри выделил несколько принципов, которыми необходимо руководствоваться в рамках процесса преобразования городов, первый из которых – «Переосмыслить функционирование города», второй – «Позволить себе мечтать» и далее – «Переосмыслить эстетику города». Речь идет, таким образом, о том, что современный город должен стать выразительным пространством, направленным на его жителей, а ресурсом его развития должен стать культурный ресурс. Город, по существу, должен создать себя заново как экологически чистое, заботящееся о благополучии жителей и побуждающее их к содержательной жизни креативное пространство. Поворот города в сторону интересов его жителей – это и создание в городе публичных пространств, являющихся пространством жизни, общения, рекреации» [61, с. 75].

«Креативный город – это и формирование публичных зон, расположение которых связано с культурно-историческими значимыми территориями, прежде всего. В современном формообразовании таких территорий необходимо совместное участие архитекторов, дизайнеров, художников и культурологов» [61, с. 77].

В. Княгинин пишет: «В моем представлении креативная индустрия всегда претендует не на оригинальность, а на уникальность, не на массовое

производство, а на производство того, что является продуктом творчества, куда вложена частичка души. Поэтому при культивировании таких свободных деятельных зон нужно всегда замечать, когда креативность заменяется попыткой имитировать ее путем замещения на фактически коммерческое и массовое, даже имеющее отношение к оригинальному дизайну, задуманному где-то еще» [48].

М.Б. Гнедовский в своем интервью поднимает проблему состояния информационно-креативного пространства города: «Если задать вопрос: «А имеются ли в России творческие индустрии?» – ответ: «Да. Безусловно и в большом количестве!» Но если спросить: «Знает ли кто-нибудь об этом?» – «Увы, нет». Никто и не догадывается: ни государство, ни общество, ни даже сами творческие профессионалы, которые крайне разрознены и не осознают своего единства. На самом-то деле это огромное целое, отнюдь не ограниченное арт-рынком, охватывающее множество различных областей: и моду, и кино, и телевидение, и отчасти компьютерное программирование, и рекламу. Но рекламисты не чувствуют сходства с программистами, программисты – с кинорежиссерами, а те – с производителями мультимедиа-продукции или, допустим, с книгоиздателями» [23], – цитирует Сиротина.

И.Л. Сиротина заключает, что «город является создателем нового типа пространства, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру коммуникации, основанную на осознании необходимости оптимизации социокультурного взаимодействия» [78, с. 114].

Профессор Сергей Алексеевич Голубков – один из зачинателей исследовательского проекта провинциальной культуры в Самаре 1992 года, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы в СамГУ, автор многочисленных работ и публикаций [25, 26, 28]. Концепция «маркеров города», предложенная профессором С.А. Голубковым для данного проекта, является одной из ключевых для дальнейшего исследования города в межпредметном, философско-культурологическом аспекте.

3.4. Диагностика города и маркеры

3.4.1. Социокультурные институты города как маркеры

«Если голос бытия, который был услышан философией, был только голосом истины... то культура благодаря границе придает бытию многоголосие, бытие разделяется и теперь разное бытие имеет собственный голос, голос имени, голос своего определения... Отсюда и вытекают возможные измерения пространства города – это выделение его различий, меры различного в городе, разные голоса территорий города» [51, с. 170]. Разные голоса происходят от разности видов городских пространств и действующих в них субъектов. Каждый вид пространства выражает себя в той или иной деятельности, с различными целями и задачами, формами саморепрезентации городского субъекта (или их полным отсутствием), модусами бытия и др.

В альманахе 2012 года «Город и время» была помещена статья С.А. Голубкова «Маркеры городского пространства, их смысл и функции» [27]: маркеры

определились как визитные карточки города, как опознавательные знаки, как «каркасные» типы социальной коммуникации.

Идея «опознавательных знаков» города использовалась и ранее. Ю.М. Лотман писал, что город «обозначается», прежде всего, «через биржу, суд, театр, базар».

Концепция Ю.М. Лотмана о «бинарной» и «тернарной» системах в русской культуре включает указания на институты, которыми обозначен город и его пространственно-временная система.

В созданной О.Б. Леонтьевой и З.М. Кобозевой совместно «Программе по истории русской культуры» (СамГМУ, 2013) также используются категории «бинарности», по Лотману и Ахиезеру.

Вернемся к «маркерам города». Для русской культуры город без театра – не город. Театр – важнейший маркер городской культуры России. С середины XIX века растущее городское сообщество идентифицирует себя

У Ю.М. Лотмана весь современный гуманитарный мир заимствовал множество идей, которыми живут с юности и до старости: «семиосфера», «знаки и значения», а потом – «гибридизация культуры» и «борьба города с самим собой». Нашему изданию Ю.М. Лотман, можно сказать, подарил название альманаха – «Город и время». Мы так внимательно изучали эту тему, привлекли столько российских и зарубежных авторов, так прониклись его идеей «борьбы города с самим собой», что он бы нам разрешил эту цитату.

Профессор, доктор исторических наук О.Б. Леонтьева – автор фундаментальных работ по русской истории и культуре. Доцент, кандидат исторических наук З.М. Кобозева – автор уникальной монографии о мещанстве Самары [49].

именно с театром: горожане там встречаются и общаются; грубая публика в театр не ходит.

Т.С. Злотникова, на статьи которой мы неоднократно ссылались, цитирует А.П. Чехова: «Чехов вообще достаточно явственно подразделяет города на те, где театр есть (Тула, Воронеж), и те, где театра нет (Владимир). В его иерархии «театральных» городов высокое место занимает, к примеру, маленький Елец, куда не только в жалком третьем классе с пристающими купцами едет Нина Заречная, но чуть ли не как в театральную Мекку стремится, мечтает съездить опытный старик-актер (А. Чехов. «После бенефиса»)» [39, с. 41].

Историки культуры показали, что город эпохи Возрождения стал сам собою, когда в нем появились новые институты: музей или опера. Они обозначали «выход из церкви», как писала В.Д. Конен [52]. Сакральное пространство церкви, иконы и ритуальная атрибутика становились секулярными в музее или опере. По датам и месту появлению музеев, концертных и оперных залов в европейских городах можно судить об интенсивности секулярных процессов в городе.

Как пишет Е.В. Дуков, концертное создавало новую картину мира: «Сопоставив известные историкам даты возникновения первых концертных предприятий Европы, можно увидеть, что регулярная концертная жизнь ранее всего возникает в государствах, общественное устройство которых допускало существование сравнительно развитых демократических институтов» [33].

Исследование маркеров С.А. Голубковым также указывает на социокультурные институты и описывает, как они выглядят, звучат или как измеряются временем. Правильно «прочитав» маркеры города, можно быстро идентифицировать специфику города (город-порт, город – место паломничества, наукоград и т. п.), ключевые интересы, вокруг которых вращается вся жизнь города или его отдельных страт (церковь, театр, торговый

центр и др.), в них же «хранится» прошлое, цели и интересы, которыми жили. С.А. Голубков описывает разнообразные варианты городских маркеров, к которым относит здания, тип планировки города, простор улиц (или его отсутствие), звуки окружающего пространства и др.: «Выступая самостоятельным целым, город имеет свой набор ценностей подлинных и мнимых, свою шкалу их измерения. Будучи единой знаковой системой, город имеет несколько смысловых доминант: Храм, Парк, Музей, Театр, Университет. Перечисляем их не по степени той или иной значимости, а по степени их общего распространения.

Но, кроме этого, есть еще специфические маркеры городского пространства, позволяющие дифференцировать города по их административному, экономическому, историко-культурному, сакральному статусу: столица; портовый город; моногород при заводе или руднике; город с былой многовековой славой, ставший ныне музеем, туристической Меккой (например Суздаль); город, приобретший сакральный смысл и превратившийся в место паломничества богомольцев (например Сергиев Посад с его Троице-Сергиевой лаврой). К таким маркерам можно отнести соотношение вертикальных и горизонтальных линий в общем силуэте города; геометрические элементы городской планировки (например московские «кольца», стягивающие, собирающие вокруг себя пригороды, соседние губернии; петербургские прямолинейные проспекты, выводящие вовне – к балтийским водам, к европейским горизонтам и т. д.); значимую оппозицию тесноты и простора; приметы опасности, таящиеся в городских пространствах; наконец, своеобразное «минус-пространство», намекающее на утраты целых сегментов городской среды (снесенные здания, исчезнувшие улицы, переулки, площади)» [27, с. 152-153].

«Городское пространство постоянно напоминает о себе разнообразными звуками. «Набор» таких звуков – по сути, тоже вполне конкретный маркер пространства. Пароходные гудки, удар причального колокола,

крики речных чаек, скрип дебаркадера, пронзительный лай взбалмошной собачонки на берегу, тарахтенье припозднившейся моторной лодки на уснувшей реке – все это неизбежно напоминало проезжему человеку, оказавшемуся в ночной Самаре, о близости Волги, о специфическом мире «русского Нила». Или другое – звуки вокзала, рыночной площади, заполненного машинами шоссе. Тревожные сирены пожарных и милицейских машин, «скорой помощи». Шелест троллейбуса, чуть-чуть оседающего набок. Говор толпы. Переливы-перезвоны бесчисленных могильников. Звончек маленького велосипедиста. Гитарные переборы во дворах. Стук костяшек в стареньких двориках и редкие возгласы забивающих «козла». Из всех этих разнородных элементов складывается звуковой образ города. Этот образ не абстрактен, он исторически узнаваем, он отражает ту или иную эпоху. ...Маркером городского пространства могут стать приметы физической тесноты или, напротив, широкого простора (в этом отношении улочкам, переулкам и тупичкам старой Москвы противостоял захватывающий дух простор петербургских проспектов и набережных) [27, с. 154].

В этом же направлении движется логика Зигмунда Баумана, который ищет в городе «общественные цивилизованные места» как пространство взаимодействия в противоположность «общественным нецивилизованным местам», побуждающим только к действию [10, с. 105].

Однако согласимся, что описать все городские маркеры невозможно. Это так же, как описывать все деревья в лесу, не видя за деревьями леса. Это вопрос отбора и интерпретации: кто будет отбирать, систематизировать и диагностировать? кто будет задавать параметры и синтезировать? Научная работа немыслима без таланта и концепции.

3.4.2. Художник как диагност города

Известная тема «гении места», «город – культура – жанр» приобретает в контексте хронотопа города новые повороты: «художник – создатель городских пространств», «искусство – альтернатива города» и множество иных, свидетельствующих о глубинных связях пространства-времени города и искусства.

Не претендуя сейчас на обзоры, напомним о гениальных пространственно-временных построениях Достоевского, отрафлексированных М.М. Бахтиным: маленький Скотопригоньевск в «Братья Карамазовых» и весь мир, от обыденности к бытию.

В великом сочинении XX столетия М.А. Булгакова четко просчитана архитектура пространства-времени: Москва 1930-х и Иерусалим времен последней Пасхи Иешуа Га-Ноцри. «Не всякому суждено быть творцом, и само творение не имело бы смысла, если бы не находились ученики, то есть люди, готовые, в меру своего понимания, нести слово истины дальше в мир» [58]. События романа развиваются в Страстные дни: в Иерусалиме, в страшные дни распятия Христа и торжества зла. Зло торжествует и в Москве, на балу у Воланда. Но в пасхальную ночь, в самую чудную ночь года, когда весь мир словно замирает в ожидании, покой получают все участники трагедии. По М. Бахтину, перекрестные хронотопы «перпендикулярных миров» вовсе не являются описанием реальных городов и маршрутов экскурсий. Это мощнейший философский анализ «перпендикулярных миров», в основе которых лежит «человеческая ответственность».

Маркеры города предполагают дальнейшую интерпретацию или то, что некоторые авторы называют «диагностикой города», то есть выявлением сущностных качеств городского сообщества в прошлом, настоящем и будущем.

Сошлемся еще раз на специфический опыт В.П. Аксёнова, обращавшегося к диагностике Самары в 1990–2000 гг. «Образ Самары предстает

в ряде сочинений выдающегося писателя. Распознавание и диагностика изменений российских городов в постсоветском пространстве вообще была заметной целью для него. Человек заново видит родные города после странствий. В этом реализовались его органические задачи как находящегося в бесконечном транзите человека, который после долгого отсутствия стремился понять перемены, произошедшие в Отечестве; в этом были его задачи как романиста и аналитика. В этом, наконец, было его духовное алиби – много пережившего и счастливо спасшегося» [18, с. 8]. Самара трактуется как типичный город, переживший все метаморфозы российских городов в XX – XXI веках. Сочувствуя катаклизмам, пережитым городом и горожанами в начале XX века, писатель не принимает героев постсоветского, «лихого» времени.

В 1997 году появился его же роман «Новый сладостный стиль», который отражал новые лица российской жизни в контексте других городов и стран. Самара еще раз попала на страницы романа. Его хронотоп, привязанный к сугубо современным событиям 1990-х годов, одновременно повернут в прошлое. Одна из стержневых, фабульных линий – заказ генеалогического древа некоей семьи Корбах. Героя забрасывает в том числе в Самару, он перебирает старые фотографии: восхищается европейскими лицами дореволюционных интеллигентов, прослеживает судьбы своих героев в Куйбышеве в тяжелые военные годы. Писатель не может принять только «новых русских» – «старых комсомольцев». Мир постсоветской «прихватизации» ему совершенно чужд, рассматривает ли он его в Самаре, Нью-Йорке или в Москве.

«Двоевремя» великого художника на фоне провинциального города – один из сюжетов большого фрагмента о «гениях места», которые создают городские пространства и диагностируют город с их учетом. Разумеется, мы помним и чтим фундаментальную и многое нам открывшую книгу П.Л. Вайля «Гений места». Герои ее подробных культурологических

эссе – Андерсен и Питер де Хох, Маккиавелли и Борхес, Бродский и Чаплин – помещены на городскую сцену Копенгагена, Амстердама, Флоренции и многих других городов мира. Вайль связал наши книжные знания о мировой культуре с пространствами самых знаменитых городов мира.

Панорама великих городов мира в книге П. Вайля «Гений места» строится на базе безупречного знания и эрудиции, а также свободного, ироничного сопоставления пространств: голландцы XVII века и песня советских времен «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»; дворики Амстердама, созданные не Рембрандтом и Хальсом, а Питером де Хохом, где кирпичи прорисованы как лица членов Государственного совета на картине Репина, и т. д. Хронотопия, охватывающая не только городские, но и разнообразные художественные и повседневные пространства, дает замечательный диагности-

Петр Львович Вайль (1949–2009) – автор замечательных книг, связанных с переоткрытием мира в постсоветское время, и в том числе с постижением образа города и диагностикой городских пространств. Выдающийся ученый-гуманитарий и мастер свободной эссеистики совместно со своим многолетним соавтором А.А. Генисом, а также и отдельно от него создал несколько мощных пространств. Назовем такие книги П. Вайля и А. Гениса, как «60-е. Мир советского человека», «Родная речь», а также книгу П. Вайля «Гений места».

ческий эффект. Города, представленные Петром Вайлем, становятся узнаваемыми и родными.

Мы полагаем, что сопоставление культурных пространств из разных временных точек (современники, локальная биографическая точка и оценки через несколько десятилетий, открытие закрытых записей, адресованных будущему, и т. п.), сходящихся как ручьи, реки в океан, позволяет понять неоднородность хронотопа города.

Следующий сюжет, к которому мы обращаемся и на изучение которого было потрачено много усилий, связан с пребыванием в Куйбышеве (Самаре) великого композитора Д.Д. Шостаковича в годы Великой Отечественной войны. «Шостакович в Куйбышеве» представлен столь же хрестоматийным, сколько и меняющимся на наших глазах. Сюжет дает дополнительные нити к пониманию не только «двоемирия», но и «двоемыслия», бытия одновременно в разных временах и пространствах: в провинциальном городе и в глобальном мире; в социальном и личном времени. Это уже не столько музыковедческая, сколько философская проблема, интересная также в контексте темы «художник как диагност города».

Фактическая сторона драматичного историко-культурного коллажа хорошо известна и многократно описана. Великий композитор Д.Д. Шостакович жил больше года в «запасной столице» (с октября 1941 по март 1943 гг.), здесь состоялась легендарная премьера его Седьмой «Ленинградской» симфонии. Отсюда, с военных аэродромов «запасной столицы», улетали самолеты с «тайным грузом» в Америку, Скандинавию. Партитура Седьмой симфонии, отправленная в тяжелейшие дни 1942 года из Куйбышева, воспринималась именно как возможность важнейшего поворота общественного мнения в пользу воюющей Советской России. Имиджевый потенциал был использован в полной мере. Выдающиеся дирижеры мира стояли, что называется, «в очередь» за правом исполнения симфонии Шостаковича. В Лос-Анджелесе это право получил Артуро Тосканини как выдающийся дири-

жер и известный антифашист. Исполнение под его управлением состоялось под открытым небом: ни один зал не мог вместить 30 000 слушателей. С 1942 года ни один год не был пропущен в столице Калифорнии – обязательно звучит под открытым небом Седьмая симфония Шостаковича.

Куйбышев не был особенно значимым для Шостаковича как городское пространство. При первой же возможности, в середине 1943 года, он уехал в Москву, где был гораздо хуже устроен, голодал и вновь заболел: «сичу с очажком, у очажка». После полутора лет эвакуации ему была необходима среда для общения. В провинциальном городе он остро ощущал свое одиночество, несмотря на предельную занятость. Ему остро не хватало близких друзей и собеседников: Соллертинского, Гликмана, Шебалина. Одиночество великого художника среди людей – уже диагноз городу.

Письма к друзьям, написанные Шостаковичем в куйбышевской эвакуации, оказались в полной мере доступными только в 1990-е годы [Соллертинский, 1990; Гликман, 1993]. В годы войны они подвергались цензуре и считались опасными. В этих коротких письмах постоянно мелькают плоды двоемыслия. Например, в письме И. Гликману: «Скоро победа, и мы вновь заживем под солнцем сталинской конституции» [20].

Вместе с тем Куйбышев, как и другие места, в которых жил Шостакович, стал «местом гражданской ответственности». Будучи фантастически трудоспособным и граждански настроенным человеком, Шостакович необыкновенно много сделал для своего куйбышевского окружения – учителей музыкальной школы, работников радиокомитета. При его непосредственном участии организовывались концерты в радиусе тысячи километров. Ответственность и отзывчивость не позволяли ему отказать обращающимся с просьбой о помощи в получении пайка, путевки или документов. Писал, ходил в обком, просил за людей.

Обстоятельства благоволили ему в Куйбышеве: «мировая премьера» и ее резонанс, вызволенные благодаря его известности гораз-

до раньше других из блокадного Ленинграда родственники и ученики, сначала относительная бытовая устроенность, а потом и получение большой квартиры в самом уважаемом доме города и многое другое.

Д.Д. Шостакович в годы Великой Отечественной войны был, несомненно, проникнут огромным чувством сопричастности к трагедии народа. Вслед за А.А. Ахматовой он мог бы повторить: «Я была тогда с моим народом там, где он, к несчастью, был». Не только как автор, но и как патриот он подталкивал одну из крупнейших «пиар-кампаний» XX века, связанную с премьерой его Седьмой симфонии 5 марта 1942 г. в Куйбышеве, 29 марта 1942 г. в Москве, а потом и легендарным исполнением ее в блокадном Ленинграде 9 августа 1942 г., ставшим мифом, фильмом, страницами учебников и темой на все времена для СМИ.

Параллельно великого мастера переполнял страх перед немилостью, доводивший его до судорог и приступов. Его изводила ненависть к тирану после памятных событий 1936 года. Он не мог остановить неукротимое желание записать и передать самым близким друзьям свои «шифровки». Он параллельно писал в военном Куйбышеве «явные» и «тайные» произведения, заказные и дневниковые тексты.

Гениальное произведение стало «со-бытием», совпадением и утешением душ. Премьера объединила всех. Сначала – музыкантов, потом Союзинформбюро, а далее послов иностранных государств и членов сталинского правительства, которые были эвакуированы в центр России, на берега Волги. Первые отклики – в «Правде», где была опубликована статья А.Толстого, в лондонской «Таймс», позже в американских журналах и газетах – были не просто выполнением профессионального долга, но и выражением общего воодушевления и патриотизма. Эта ангажированность попала в хорошо отлаженную пропагандистскую машину, покатила по стране, была раскручена за рубежом.

В 1941 году, будучи уже в Куйбышеве и пользуясь своим знакомством с известной партийной деятельницей Р. Землячкой, Шостакович сумел выслать вызовы для эвакуации из блокадного Ленинграда не только матери, сестре, ее детям и мужу, но также своему ученику по консерватории Дмитрию Толстому. Все они благополучно добрались до Куйбышева, и это было огромное облегчение. Поселились вместе, в квартире по улице Фрунзе, 185.

С этим фактом связана малоизвестная «пространственная деталь». Здесь на расстоянии одного квартала оказались дом, где жил в эвакуации Шостакович, и старая городская усадьба, в которой прошло отрочество писателя Алексея Толстого, – он жил здесь вместе с матерью, урожденной Тургеневой, и отчимом Бостромом, просвещенным провинциальным интеллигентом.

Алексей Николаевич Толстой приехал из Ташкента в Куйбышев в декабре 1941 года. Он

Е.Я. Бурлина являлась проектантом и соавтором альманаха «Самарское приношение. Шостакович: 100 лет». 8 мая 2006 года альманах был представлен в Бонне, в российском генеральном консульстве. Замысел этого проекта и связанные с ним события описала талантливая журналистка и музыковед Лариса Крылова в статье «Важно, чтобы тебе доверяли», опубликованной в журнале Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова (Крылова Л. Чтобы тебе доверяли. – Режим доступа: http://www.conservatory.ru/files/11-13_musicus_07.pdf). Мегасобытие, посвященное Шостаковичу и собравшее видных политиков, ученых и бизнесменов, позволило продвинуть интернациональный имидж Самарской области.

привез продукты и бесконечную благодарность: без Шостаковичей его 18-летний сын Дмитрий, больной, неприспособленный к жизни молодой композитор, точно бы погиб в голодном Ленинграде.

Разговаривать в квартире, где проживало 18 человек, было невозможно. Вероятно, композитор и писатель вышли на улицу и прогулялись по улице Фрунзе, бывшей Саратовской. До дома, в котором прошло отрочество писателя, как мы уже заметили, был буквально один квартал. Узнали писатель кусочек своей родной улицы, екнуло ли его сердце у дома, в котором умер его любимый отчим? Этого мы никогда не узнаем.

Но вот что определено: в эти дни А.Н. Толстой задумал свою знаменитую статью для газеты «Правда», в которой рассказал о необыкновенных репетициях симфонии Д.Д. Шостаковича, о вдохновении всех участников премьеры – от самого автора до дирижера С.А. Самосуда и оркестрантов. Слова писателя о том, что эта музыка выражает мощь русского характера, стали камертоном для последующих оценок. А.Н. Толстой писал: «Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебаний смертный бой с черными силами» [Цит. по: 80].

Вслед за Седьмой симфонией, ровно в те дни, когда еще шли напряженные репетиции и стремительно готовились премьеры в разных городах страны и зарубежья, когда мир уже был оповещен о появлении «великого сочинения великого сына великого народа», Шостакович завершил вокальный цикл на тексты английских поэтов У. Ралея, Р. Бернса и В. Шекспира. В письмах к И. Соллертинскому и И. Гликману он информирует их о новом сочинении и обсуждает посвящения. Самый первый романс, молитву об избежании участи быть повешенным, он посвятил сыну Максиму, тогда 4-летнему ребенку.

Подобное двоемыслие – вынужденное внешнее подчинение и внутренний протест – описывает, например, известный немецкий профессор-лингвист Виктор Клемперер, спасший свою душу и жизнь в годы

фашизма, как считал он сам, благодаря дневниковым записям об ЛТ1 – лингвистических изменениях немецкого языка. Сошлемся также на принятое немецким ученым К. Паппом философское осмысление двоемыслия в Германии на материалах дневников Томаса Манна и того же Виктора Клемперера.

Представляется, что в любом тоталитарном обществе, хотя бы периода Средневековья, наступления Контрреформации и многих других, наблюдается феномен двоемыслия. Справедливо, что в XX веке эти процессы приняли массовый характер. Известный эпизод из фильма режиссера Г.Н. Данелия «Кин-Дза-Дза», когда землянам вешают на лицо собачий намордник и требуют радоваться, был бы понятен выходцам из разных эпох и стран. Ю.А. Левада делал вывод на основании эмпирических исследований, что именно в советском обществе двоемыслие становится тотальным, ничем не ограниченным. В первую очередь «школу двоемыслия» проходили элитарные слои.

Для темы нашего исследования – хронотопия города и полифония городских пространств – важным является следующее: в тоталитарных обществах единственным местом для самовыражения становится приватное пространство («кухня», «письмо к другу», «ночной дневник» и т. п.), тогда как официальное пространство оказывается потерянным («власть», «собрание», «парламент», «свободное слово» и т. п.).

Обратим внимание и на то, что в социальной коммуникации подобного типа категорически меняются смыслы времени: «чужое время», «страшное время» или «время великих свершений», «время великих побед». Феномен двоемыслия, как справедливо пишет Д.Г. Горин, приводит к типичному для сталинской культуры принципу кодирования времени, «в котором различие прошлого, настоящего и будущего характерным образом смещалось» [29].

Таким образом, одним из модусов «хронотИпии» может быть потеря социального пространства и коммуникации. Приватное, камерное про-

странство, прогулка по улице, письмо к друзьям или зашифрованный дневник становилось единственным местом для идентификации. А для людей искусства и науки было еще и глобальное пространство наследий: отсюда обращение к Гамлету, Шекспиру, античной философии или истории естествознания, которые и были невысказанным самовыражением.

Ч.Т. Айтматов, который был близок с Шостаковичем в последние его годы, считал, что «двоемыслие» Шостаковича было сохранением миссии искусства для будущего. Писателю показались адекватными такие сравнения двоемыслия, как «тайная вера», «белые одежды», «двоевремя».

В бывшей «запасной столице», обыкновенном индустриальном городе на Волге (вернувшись к своему первоначальному имени Самара в 1992 году), встреча времен отмечена в том числе и тем, что бункер Сталина находится на улице Шостаковича. Парадоксально. В городских мифах это противоречие не было замечено и не проросло. В философских и музыковедческих исследованиях названные повороты темы «белых одежд», «двоеосмысливания» и «двоемыслия» вызывают огромный интерес.

Рядом с крупными волжскими городами, про которые мы не забываем, есть множество важных индустриальных городов, входящих в ПФО – Приволжский федеральный округ. Они нередко также именуют себя «столицами»: автомобильная столица Тольятти, газоперерабатывающая столица в Кстове, что недалеко от Нижнего Новгорода, индустриальная столица – старинная волжская Сызрань. Даже малый город Похвистнево Самарской области именуется нефтяной столицей Самарской области.

В этом списке достойное место занимает индустриальный город Новокуйбышевск, который славен не только своей востребованной в мире нефтяной продукцией, но и театром, признанным в большом театральном мире. Театр в Новокуйбышевске называется «Грань» – как грань города, жизни, бытия, или более строго: «Театральное пространство как содержательная грань городской среды» [63]. Выбор новокуйбышевского театра в

контексте пространственно-временного анализа города представляется важным примером. В числе пространственно-временных инвариантов есть и такой: театр как альтернативное пространство города; театр как «антимаркер» города. На примере авторского театра-студии «Грань», созданного Э.А. Дульщиковой, можно указать на «содержательную оппозицию окружающей среды и созданной ею (Э.А. Дульщиковой – наш комментарий) театральной атмосферы» [63, с. 134]. Эта оппозиция и позволяет человеку найти спасение от давящей на него атмосферы слишком холодного, безразличного к человеку рационализованного и механизированного городского пространства.

Статья о театре в индустриальном Новокуйбышевске написана режиссером Д.С. Бокурдзе совместно с профессором Н.Ю. Лысовой. Оба автора были близко связаны с Эльвирой Анатольевной Дульщиковой. Наде-

Э.А. Дульщикова 40 лет руководила театром «Грань» в Новокуйбышевске. После ее кончины художественное руководство принял Денис Бокурдзе – актер, режиссер и исследователь индустриальной культуры.

Денис Бокурдзе – ученик, последователь и преемник Э.А. Дульщиковой, в настоящее время – художественный руководитель театра «Грань» в Новокуйбышевске. Д.С. Бокурдзе занимается также исследовательской работой, изучает хронологию индустриального города и театра, подготовил ряд исследовательских статей, работает над диссертацией.

жда Юрьевна Лысова – профессор из Саранска, выпускница академии художеств в Санкт-Петербурге, соавтор концепции фестиваля провинциальных театров «ПоМост» – дочь и сподвижница Эльвиры Анатольевны. Актер и режиссер Денис Сергеевич Бокурадзе проработал в театре «Грань» более 15 лет. Дульщикова ставила «на Бокурадзе» спектакли, формировала совместно с ним оформление, труппу, музыку.

Обсуждая место театра в индустриальном городе, авторы отмечают, что «культурный портрет современного города скуден, если в его духовную ауру не включены храмы искусства – музей, театр. Город без них становится достаточно абстрактной структурой, лишенной возможности эмоционального общения, способности говорить. Обитая в пространстве вечных тем, вечных мотивов, театр восполняет человеку несуществующий в действительности чувственный ряд, занимаясь по сути человекотворчеством. Но само по себе размещение и строительство в городе даже самых уникальных музеев, театров, филармонии не приводит автоматически к развитию городской культуры. Необходимость развития системы учреждений, с помощью которых формируется культура, в огромной мере определяется зрелостью среды, интенсивностью духовной жизни горожан, уровнем их образованности. Потребность в театре должна обязательно созреть в недрах культурной среды города» [63, с. 130].

«Театральное пространство живет внутри городского – грань между ними призрачно иллюзорна. «Воля к преображению действительности» объединяет художника и горожан, побуждая к вступлению в творческий диалог. И это не просто диалог на ограниченной театральной территории, это существование театра в пространстве маленького города» [63, с. 134].

3.4.3. «Цена вопроса»

Мы уже цитировали выше профессора Е.В. Дукова, который рассматривает на историческом и современном материале социокультурные институты. Дуков видит в них определенные маркеры, но прежде всего – зеркало демократических процессов в обществе. По его мысли, это также товар, востребованный в той или другой среде.

Среди его работ известны «Урбанизация и развлекательная культура» (1991), «Между обществом и властью» (2002), «Бремя развлечений» (2006), «Ночь как культурологический феномен» (2003, 2005, 2009, 2011), «Развлечение и искусство» (2006, 2008, 2010, 2012) и многие другие.

Альманаху «Город и время» Е.В. Дуков подарил важную и глубокую статью «Городская культура России: новые веяния» [32]. Он начинает с описания «городского духа»: «Город – не только сумма зданий разного назначения, со-

Профессор, доктор философских наук и кандидат искусствоведения Евгений Викторович Дуков – один из зачинателей культурной урбанистики в России (I Международная конференция в Татарстане под эгидой ЮНЕСКО «Культура молодых городов», 1993 г.). Е.В. Дуков является одновременно проищательным исследователем культуры, социологом музыки и организатором профессионального сообщества, он – главный эксперт Союза концертных организаций России и руководитель Гильдии музыковедов России.

единенных дорогами, но и трудноуловимое нечто, которое мы называем духом города. В нашей стране в эпоху социализма вся инфраструктура духовной культуры была связана в основном с административной функцией территориальных поселений. И дух социалистического города был во многом связан с искусством и продуцировался им. Развлечения, в непосредственном смысле этого слова, отсутствовали, как и секс. Их место занимали профессиональные или самодеятельные искусства, объединенные общей культурной политикой. Лучшие из искусств имели «культурные столицы» – Москву и Ленинград» [32, с. 23].

Сейчас центры многих городов «...европеизируются», преобразуются, становятся эстетически привлекательными. Подсветка, свежеевыкрашенные фасады административных зданий и помещений, занятых коммерческими структурами и банками, становятся нормой и способны умилить человека, попавшего-таки вечером в городской общественный транспорт, идущий через центр. Эта картинка предназначена для рассматривания из окна, это своего рода свето-цветовое развлечение. Это не пространство для жизни или общения – к вечеру в помещениях этих сооружений абсолютно пусто, и световая партитура как бы компенсирует отсутствие собственной жизни здания в это время. Приехав в спальные районы города, где темно и чаще неуютно, понимаешь парадоксальное разведение сегментов городского пространства как выставочного комплекса, как своего рода городского (но содержательно пустого!) экспоната и мест реального скопления и жизни горожан.

Впрочем, пустые пространства перемежаются с новыми рекреационными. Так, под видом строительства «культурных центров» идет формирование официозных пространств, призванных отразить статус и притязания местной элиты. А поскольку в Конституции нет прямых обязательств государства развивать и поддерживать культуру (в отличие, например, от образования), «культурный потенциал города» (В. Глазычев) стал функцией

понимания его места местными властями. Слово «понимание», с их точки зрения, имеет три основные позиции, которые, как матрешка, вкладываются одно в другое: чтобы было не хуже, чем у других; чтобы было куда гостей сводить; чтобы с праздниками было хорошо. Понятие «не хуже, чем у других» в норме сводится к разрушению старого города и строительству хаотично, вне общей эстетики, отдельных новых зданий, в которых размещаются конторы, бизнес-центры и т. п., благо доминирующий постмодернизм дает на это право. Проблема приема гостей у местных властей сводится к деятельности профессиональных артистических сил и разнообразным праздникам» [32, с. 23-24].

В названном контексте Дуков выходит на городские праздники, которые стали в первую очередь региональными, а не общегосударственными, как раньше. Причина – коммерциализация, отношение к празднику как к товару. Политическая ситуация как в зеркале отражается в культурной жизни страны: «Столицы, и старая, и новая, оторвались от основных территорий России. Некогда стремившаяся к централизации городская культура рассыпалась. Каждый город начал самостоятельно вести (или не вести вообще) свою культурную политику» [32, с. 24].

Е.В. Дуков, занимавшийся многие годы изучением трансформаций социокультурных институтов, считает эти симптомы тревожными. Он сопоставляет их с такими маркерами европейского развития, как концертное здание, являвшееся прямым инструментом воздействия до тех пор, пока оно подчинялось интересам общества и государства [32].

По мнению А.М. Цукера, реальную диагностику культуры современного города задает массовая музыка. К сожалению, сегодня она имеет высокую коррупционную составляющую.

В статье с выразительным названием «Массовая музыка как образ времени» [84] А.М. Цукер интерпретирует жанры массовой музыки как знаки времени, в нашей же терминологии – как маркеры социальных процессов в государ-

Профессор, доктор искусствоведения А.М. Цукер – один из самых известных музыковедов России, научный лидер Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова, постоянный участник научных конференций в Москве, Киеве и Саранске. Анатолий Моисеевич Цукер новаторски интерпретирует классическую музыковедческую тематику, а также является уникальным экспертом по массовым музыкальным жанрам.

стве и социальные институты в его городах: «Можно констатировать, что в массовых жанрах качественная информация, как правило, доминирует над количественной, поскольку даже при малой плотности и насыщенности музыкального текста в них задействовано множество внемузыкальных факторов, богатый ассоциативный ряд. Именно это и позволяет массовой музыке, всегда мобильной и «деловой», становиться знаком времени и, изменяясь вместе с ним, отражать его социальные, нравственные, духовные запросы и потребности, осуществлять утраченную академической музыкой связь искусства и жизни, пусть не всегда глубинную, но непосредственную. Причем на различных исторических этапах из бесчисленного многообразия разновидностей и жанров массовой музыки выдвигаются те или иные, берущие на себя роль некоей основной модели, своего рода парадигмы, типизирующей устроения времени и породившей их среды обитания» [84, с. 125].

По мысли Цукера, «блатная песня» (радио «Шансон», например) стала respectable участником социальной жизни, как бы экспроприировав чужие культурные пространства и заплатив за свое место немалые деньги. Коммерциализация эстрады никогда не была столь беззащитной в формировании «фабрики звезд», как сейчас. Двойные смыслы, коррупция загнали в «андеграунд» вполне креативные течения и явления массовой музыки.

Со сменой эпох меняют свои характеристики социальные институты, что приводит к потере ими своих функций: «Театры, ставившие и показывавшие премьеры, которые давали какую-то степень выхода из строго регламентированных советских рамок, сыграли роль своеобразных инкубаторов свободы» [24, с. 58]. Но после распада СССР жизнь театров меняется: «Начался распад или коммерциализация традиционных для Куйбышева культурных оазисов: театра оперы и балета, киноиндустрии (киностудии, кинопроката)» [24, с. 58].

Формы коммерциализации, происходящей в театрах, концертных организациях и цирках, Е.В. Дуков называет «фестивализацией». Он пишет: «Фестивальные проекты быстро вытесняют простую театральную, концертную т. п. афиши. Многие из фестивалей становятся традиционными, и с каждым годом список этот расширяется. Фестивальную афишу начинают дополнять музеи, парки культуры и отдыха, для которых это, строго говоря, непрофильная деятельность. Фестивали на 50 тысяч долларов быстро сменились фестивалями на 200 тысяч. А сейчас то тут, то там слышишь о подготовке фестивалей с бюджетом в миллион долларов. Поволжье импортировало идею «передвижных столиц», что позволяет включать ранее скрытые культурные пласты в культурный потенциал городов. Заработал на Волге молодежный межвузовский симфонический оркестр. Только в Самаре и лишь в три летних месяца пройдет 11 только молодежных фестивалей с диапазоном цен от 500 до 1500 руб. за концерт!» [32, с. 24].

И еще одно направление диагностики волжских городов, теперь уже через изобразительное искусство и жанр городского пейзажа.

Н.Ю. Лысова подчеркивает важность реки для образа волжского города: «Единственный маршрут, постоянно вызывающий неподдельный интерес, связан с Волгой и ее старинными городами. Знаменитый водный путь олицетворяет в русской культуре саму Россию, ассоциируется с ее пейзажным образом, во многом объясняет характер населения» [64, с. 117].

Автор показывает, что городской пейзаж имеет историческое и современное наклонения. С названным жанром связано формирование визуальной мифологии. Она нередко заимствуется медийными ресурсами, рассматриваемыми «городской пейзаж» как «банк креативных идей».

Работая над путеводителем для детей, Светлана Гришина создала сначала определенные про-

странственно-временные «карты», сконструировала «типовых героев» для каждого маршрута, олицетворяющих здешние места. Исследовательская работа сопровождалась театрализацией и креативными индустриями в виде макетов самостоятельно созданных детских путеводителей.

Использование философско-культурологических категорий представляется инструментально оправданным и для детского путеводителя. Это подтверждают проекты Гришиной, в том числе анализ десятков детских путеводителей: на русском, английском, немецком и испанском языках. Приведем некий краткий абрис концепции и конкретной работы по созданию специфического культурного жанра: путеводителя для детей.

Представим себе Буратино – одного из самых популярных героев детского мира, простака, всегда находящего свое счастливое пространство, свой Золотой ключик к Волшебной дверице. Бу-

Евгения Гранкина приложила немало сил к формированию типологии города в философско-культурологическом аспекте. Это – часть ее аспирантской работы.

Успешно работая в Самарской государственной областной академии Наяновой, Евгения Гранкина имеет несколько экзотических хобби, укрепляющих дух и помогающих выживать и быстро схватывать идеи. Например, она в одиночку путешествует по Кольскому полуострову. Исключительно конструктивно подготовлена своими прекрасными учителями, пишет и, мы уверены, напишет кандидатскую диссертацию.

Профессор Н.Ю. Лысова, рассматривая «Волжский исторический город в отечественной живописи XIX – начала XXI века», создает новую методику типологического описания центральных городов России – городов Поволжья.

Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) родился в Самарской губернии, провел в городе отроческие и юношеские годы, жил в усадьбе на улице Саратовской (ныне улица Фрунзе) вместе с матерью Александрой Леонтьевной Тургеневой и отчимом Алексеем Анполоновичем Бостромом. Дом с садом стал теперь музеем Алексея Толстого – одним из богатейших инновационных музеев современной России. Перед домом установлена хорошо известная скульптура Буратино. Рядом с музеем А.Н. Толстого располагаются центральные площади города: площадь Куйбышева и Театральная площадь.

ратино будет сопровождать вас по первому маршруту: «От дома писателя на улице Фрунзе к Театральной площади». Основанием для выбора героя стали, во-первых, его необыкновенная популярность в любой детской аудитории, а во-вторых, присутствие в Самаре музея его создателя – писателя А.Н. Толстого.

Стремительный расцвет Самары в конце XIX – начале XX века состоялся благодаря исключительному транспортно-логистическому расположению города: в центре России, на перекрестке Европы и Азии, на Волге и на центральной железнодорожной магистрали всей страны. Особую роль в становлении города сыграло купечество, стремительно выросшее в группу, которая играла определяющую роль на городской сцене. Самарские купцы стремились европеизировать город. Они не только успешно торговали, но также строили театры и больницы, библиотеки и гимназии. Своим расцветом Самара обязана

купечеству с его умением быстро осваивать технологии и идеи, налаживать торговые пути и культурные связи. Самарский купец, который научился зарабатывать деньги и тратить их на развитие своего города, разумеется, не похож на простака Буратино, надеявшегося на чудо. Купцы стали «гениями места» в волжском городе, превратив его из скромного пристанского поселка в один из центральных волжских городов.

Маршрут второй – «От Хлебной площади к дому купцов Шихобаловых».

Буратино и купец, кажется, не имеют ничего общего с инженером, запускающим ракеты. Разве что все они любят Волгу, Жигули и песни под гитару. Маршрут третий – «От проспекта Победы к Ракете».

В годы войны главными людьми города были даже не военные, а инженеры – создатели самолетов и моторов. Многие из них были эвакуированы в «запасную столицу», как называли в годы Великой Отечественной войны Куйбышев (бывшую Самару). Город становится одним из индустриальных и заводских центров страны. Здесь работали сотни тысяч лучших заводских инженеров и мастеров. Индустриальная часть города располагалась на полустанке со странным названием Безымянка. Здесь выросли огромные жилые районы, удаленные от Волги и приближенные к своим производствам.

Маршрут четвертый – «Футбол» – начнется на строительной площадке, где возводят новый стадион к чемпионату мира 2018 года. Отсюда он придет на волжскую набережную – здесь пройдет сеанс мини-футбола для всех, кто захочет погонять мяч и показать свое мастерство. А закончится маршрут возле памятной доски на доме, где жил знаменитый футболист Ринат Хусаинов – «маленький танк», «летающий хозяин поля», которому «Крылья» подарили крылья».

И последний маршрут – «Жигулевская кругосветка». Его поведет «козочка редчайшая» из национального парка «Самарская Лука» и... с герба города. Не беремся описать все имеющиеся здесь уникальные растения,

Светлана Гришина написала пока еще только две работы, обе дипломные – по бакалавриату (2013) и по специалитету (2014). Ее научная и практическая тема – «Современный путеводитель для детей по городу». Исследовательские параметры: «диагностика», «хронотопия города» и «гения места». Поиск прототипов важен для формирования глобальных хронотопов. Например, среди прототипов сказки Алексея Толстого можно назвать великого поэта А.А. Блока, режиссера В.Э. Мейерхольда и других петербургских знакомых создателя самого популярного персонажа отечественной детской литературы.

всех животных, все таинственные пещеры и перечислить песни о разбойниках. Однако можно точно сказать, почему в Самаре вдоль национального парка «Самарская Лука» можно совершить кругосветное путешествие.

Вы сядете на мощные и устойчивые лодки, которые до сих пор называют «барками», или «баркасами». Отправитесь в «Жигулевскую кругосветку» от речного вокзала, а потом приплывете к нему вновь, но уже с другой стороны. По речной дороге будут и остановки в Жигулях. По горным тропам вас поведет «козочка редчайшая», белая и быстрая.

Тематика научной работы С. Гришиной основана на разработке нескольких полифонических хронотопов города и региона, создающих панорамное представление об антропологии места и времени. Различные пространственно-временные модусы систематизированы. Молодой исследователь использует в практической работе метод хронотопии.

Работа над проектом включает также изучение наиболее популярных медийных персонажей, прототипов популярных произведений детской литературы, в том числе «Приключений Буратино». При этом затрагиваются далеко не только детские представления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги подводить рано. Ссылаясь на прежние и вновь собранные материалы, формируя собственные идеи и гипотезы, мы искали и ищем ключевые философско-культурологические подходы к диагностике города. Работа над методологией пространственно-временных модусов – хронотопов, а также над их системой – хронотопией представляется нам актуальной, перспективной и будет продолжена.

Некоторые аспекты современной урбанистики при всей их значимости как бы не укладываются в ракурс наших гипотез. Мы согласны с Е.Г. Трубиной в том, что «городские культуры России по нарастающей становятся глобализованными, однако в том, как организуются события, можно проследить проявления зависимости от предшествующего строя» [81, с. 116]. Однако у нас иные предметы исследования и, главное, другая терминология. И мы полагаем, что она также имеет право на существование.

Очевидно, что глубинная связь города с меняющимся миром в современных условиях, так же как и в прошлом, ориентирует на сопоставление городов и городских практик в разных странах. Процессы глобализации

по-разному протекают в российских и восточноевропейских городах, азиатские города значительно отличаются от городов в других частях света. Общие урбанистические процессы не снимают цивилизационных и культурных различий, которые нам хотелось бы систематизировать как особые модусы городских пространств в городах разных стран и регионов.

Понятия «полифонические городские пространства» (то есть одновременно звучащие и согласованные в той или иной мере между собой) и «хронотопии», предложенные в настоящем проектно-аналитическом обзоре, могут стать основанием для нашего исследования, статей и монографии.

Хронотопия, по-нашему мнению, – определенный способ систематизации пространства-времени города во взаимодействии с городским сообществом. Хронотоп – только один из модусов хронотопии. Полифония хронотопов, отличающая любой малый или большой город, есть хронотопия.

К примеру, каждая группа горожан вырабатывает свой обыденный, профанный хронотоп: дом – школа – магазин – аптека и т. п. Однако это не исключает причастности той же группы городских жителей к историческим и глобальным хронотопам города: памятным местам, ландшафтным пространствам парков, музейному или театральному миру. Они «звучат» одновременно и в определенном константном согласии. Перефразируя М.М. Бахтина, скажем о хронотопе города, что «другие голоса» постоянно обсуждают и повторяют «чужими словами» другие городские пространства. Подобно этому историко-бытийный хронотоп может «звучать» в обыденных пространствах по-разному; историческое время может вполне интенсивно окрашивать глобальные образы города. «Старый город» не только может, но и должен активно взаимодействовать с ежедневностью, а может быть неопознаваемым для нее.

Самое примечательное состоит в том, что современный город и современное городское сообщество нуждаются в хронотопии, то есть одновременном и согласуемом звучании разных городских времен и

пространств. А также городам нужна теория и рефлексия научного и обыденного свойства, позволяющая опознать оптимальные либо неудачные пространственно-временные модусы. Известно, что одномерность и одноголосие пространства-времени города, сведенное к одной дороге «дом – работа – магазин», воспринимается не только как монотонность, но и как неволя и пустота. В плохо «разработанном» городе с неразвитым городским сообществом, тяготеющим к замкнутым, «лагерным» пространствам, жизнь кажется унылой. Игра городских пространств и времен, действительно подобная переключкам «голосов» в полифоническом романе или фуге, стала аналогом развивающегося, креативного города. Чем богаче хронотопия города, тем он более привлекателен для горожан. Интенсивность гражданской жизни запечатлевается в богатых полифонических и разнообразных городских пространствах.

В то же время свои «районно-квартальные» хронотопы вовсе не обязательно характеризуют идеальное городское сообщество; напротив, они могут быть неполифоничными и диссонантными: в одном районе замкнулись старожилы, в другом – мигранты. Дальше начинается «Вестсайдская история» Леонарда Бернштейна – война молодежи, пуэрториканцев против местных и тому подобные парафразы классических сюжетов, известных еще во времена Шекспира и разыгрывавшихся на городской сцене итальянской Вероны, с трагической гибелью Ромео и Джульетты в финале.

Быть может, неожиданно, но классика противостояния городских слов, семейств, кланов или районов отлично описывается и диагностируется через хронотопы и хронотопию.

Философско-культурологический подход специально не ориентирован на исчисление внешних сторон городской жизни, имиджевых мероприятий, продвигающих успешность руководителей региона или подтверждающих значимость «корпоративов». Предлагаемая диагностика не концентрируется также на экономических возможностях города по принципу «нет денег –

плохие дороги». Как известно, есть города, в которых и при наличии денег коррупционная составляющая столь высока, а горожане столь безгласны, что дороги будут плохими все равно, а средства растекутся неизвестно куда. При этом политики, как справедливо пишет один из исследователей нашего альманаха, выдвигают риторические оправдания с такими выражениями, как «национальный престиж», «ведущая роль России», «инновационный климат», «экономика знания». «В результате возникают гибридные стратегии организации крупных событий, объединяющие советские традиции официально санкционированных праздников и неолиберальные способы конструирования мест, нацеленные на извлечение прибыли» [81, с. 118].

Цивилизационные аспекты бытия, сближающие города разных типов, – направление для нас особенно близкое. Мы не раз ссылались на методологические подходы и идеи Ю.М. Лотмана, А.С. Ахиезера, И.М. Клямкина, И.А. Яковленко, Д.Г. Горина и их коллег. Надеемся на более тщательное изучение «про» и «контра» названных концептуальных подходов, суммируем выводы по типологии и хронотопии российских городов, представленные на страницах этого альманаха.

Прежде всего, выделим группу «срединных», центральных городов России, которые, не будучи столичными, обладают особым статусом городов крупных и устойчивых. Это города-миллионники, оснащенные промышленными, образовательными и культурными инфраструктурами. Они похожи по антропологии места и времени и характеризуются сходными пространственно-временными модусами. К названной группе российских городов, несомненно, относятся волжские города, заложенные, как правило, на рубеже XVI–XVIII веков по периметру складывавшегося Российского государства. Эти «срединные города» всегда выполняли охранные и колониальные функции. Они интегрируют и стабилизируют страну.

Историческое пространство значимо и заметно в этих городах: идет ли речь об увековечении подвигов горожан в Смутное время или о героях

Великой Отечественной войны, когда в большей или меньшей степени все города этой группы стали «запасными столицами» – принимали эвакуированные заводы, институты, спасали сотни тысяч людей.

Каждый из городов этой группы пережил несколько типовых цивилизационных сдвигов: предреволюционную капитализацию и интеграцию больших масс сельского населения; тотальный сдвиг советского времени, когда были перекодированы все уровни городских пространств, социальных коммуникаций и сменились практически все «локомотивные» группы.

Базовый символ русской культуры – Волга – если не уходит с авансены советского времени, то бледнеет рядом с образами советских героев и великой, вольной страны. Перекодируются смыслы городских пространств, воспевающих теперь светлое будущее человечества.

Эти процессы породили идентификационные волны («кто был ничем, тот станет всем»), которые в больших и срединных городах России переживались особенно остро. Сметено купечество, что для таких городов, как Нижний Новгород, Самара, Ростов, стало настоящим крушением: эти города формировались как охранные крепости, а в XIX веке уже предстали как «карман России», ярмарки, торговые пристани. После революции городская смычка, привычная забота «о своих» смягчили многие тяжелые процессы. Это замечательно диагностирует В.П. Аксёнов в своем романе «Новый сладостный стиль»: купеческая дочка Ася Корбах, оставшаяся в Самаре без семейства после революции, неожиданно получает помощь от бывших служащих отца – ее устраивают по-свойски в партийную типографию, где она и проработала всю жизнь. Такая ситуация типична именно для этих городов, замешанных на «витамине» свояков.

Становление на городской сцене новых «локомотивных групп», связанных с индустрией и образованием, сделалось в советскую эпоху несравнимо более массовым. Рост вузов, потребность в инженерных кадрах, способных обслуживать новые производства, несомненно, преобразили

хронотопию города. Однако именно в этот период сложился и остался на долгие годы разлом между «старым городом» и «безымянкой». Стертые из городской памяти купечество и мещанство продолжали жить в новых поколениях инженеров, военных и врачей. Срединные города оставались более толерантными «к прежним», «к инородцам», «к эвакуированным», «к пленным» и т. д. в самые неподходящие времена.

Советское время породило новые пространства городов: типовые, огромные главные площади; типовые памятники, зовущие в будущее; типовые Ленинские, Московские и другие проспекты, застроенные уже после войны домами в стиле «сталинского ампира». Во всех городах были торжественные античные колонны дворцов культуры со скульптурами музыкантов и спортсменов, парки и выставки народного хозяйства, обильно украшенные монументальными образами героев. Они подавляли старую часть города с особняками, еще долго сохранявшими свою элегантность в стиле модерн, – ведь театры, музеи и новые институты власти располагались в старой части города, а не вблизи производств. Примечательно, что в западноевропейских городах театры нередко перемещаются в новые кварталы. На эту тему в следующем томе издания представлено исследовательское эссе социолога культуры и театроведа из Дюссельдорфа, директора Театрального музея доктора Винриха Майсциеса.

В тех срединных городах России, которые мы стремимся диагностировать, все остается в центре: власть, культура, армия. Собор или церковь на главной площади взорвали или убрали, но поместили в самом центре и рядом обком партии, главный штаб и старый театр.

В постсоветское время продолжается «борьба с самими собой». Горожане опять забыли о предшественниках и стали совсем другими. Вырастают целые районы коттеджей, поражающие своей роскошью и объемами. Застраиваются частными виллами территории национальных парков. Дороги и экологические системы (включая канализацию, воду) могут находиться

в «первобытном состоянии», однако фасады и внутреннее убранство представят все символы «евроремонта» (новые стеклопакеты, полы, мебель, а главное – дизайн в стиле high-technology). Разбитые дороги, ямы и мусор не исключают присутствия у порога такого коттеджа Land Rovere – модного и надежного внедорожника.

Характерно резкое размежевание пространств, доступных разным группам горожан, – большое количество как будто открытых, но на самом деле закрытых по финансовому или корпоративному признаку пространств (в сфере образования, медицины, культуры), новые идентификационные признаки власти (дорогие машины, особняки и другие признаки богатства); резкое размежевание во взглядах на глобальное пространство, как будто бы лишнее и враждебное для городов названной группы. Еще в 2000-е годы один из самых мощных регионов Европы – земля Северный Рейн – Вестфалия – имел свои представительства в этих сильных срединных городах: Нижнем Новгороде, Самаре, Ростове-на-Дону. Однако постепенно их деятельность сворачивалась, и теперь бюро сохранилось только в Нижнем Новгороде.

Индустриальные города – еще одна группа городов с особой хронотопией. Их экономическое и политическое состояние, как утверждают специалисты, различно. Мониторинги, выполненные под руководством профессора Н.В. Зубаревич и помещенные в наших обзорах, показывают, что среди индустриальных городов с населением от 250 до 500 тыс. жителей есть «живые», то есть экономически выгодные города; есть выживающие, а есть и вымирающие. Повсеместно заметно недовольство городского сообщества, потерявшего работу и защищенность советского времени, возмущенного толпами мигрантов и их развязным внедрением в городскую среду.

По мнению политологов и экономистов, некоторых из индустриальных лидеров можно считать и сегодня «столицами либерализма», как пишет профессор А. Аузан о Перми. По мнению Г.Е. Гун, южноуральские города

типа Магнитогорска и Челябинска, которые имели только индустриальную стратегию, направленную в будущее, теперь полностью зависли на этой стратегии прошлого. В индустриальных городах по привычке не поддерживается культура и сохраняется болезнь прошлого – страшный перекоп в сторону технических специалистов. Профессор Гун ссылается на принципиально новые программы развития и переориентирования городов в Америке или Германии, справедливо полагая, что ими должны интересоваться также российские индустриальные регионы.

Очевиден дефицит «полифонических пространств» в старых индустриальных городах южноуральского типа. В силу этого лучшее для жителей – это бегство «на дачу», «на речку» или «на озеро», «на рыбалку» и тому подобное. Возвращение к себе, к своему участку, цветам и огороду оказывается не только подспорьем, которое реально помогает выживать, но также пространством свободы и самовыражения.

Будущее индустриальных городов, несомненно, должно иметь культурную составляющую, например «свободную ментальность», позволяющую, как это было на легендарных Грушинских фестивалях, консолидировать всех горожан. Нет никаких сомнений, что будущее городов подобного типа зависит от модернизационных процессов. Хронотопия данных городов и районов должна быть более многообразной, включая память о прошлом, удобное устройство настоящего и глобальные стратегии будущего.

В контексте современных стратегий индустриальных городов мы довольно подробно изучали городской музей Новокуйбышевска и театр «Грань» в этом же экономически преуспевающем городе. Несмотря на востребованность, в этом городе много проблем, и прежде всего экологических. Однако музей и театр необходимы городу такого типа, что уже признано всем городским сообществом, хотя бы потому, что культура и память формируют отсутствующий в городе корпус гуманитарной интеллигенции. Режиссеры и актеры, журналисты и писатели создают и свои закрытые про-

странства, но неизбежно работают на город. Кто и как это делает в Новокуйбышевске, находятся ли в этом пространстве «гении места», в чем специфика «остановившегося времени» – эти и другие вопросы весьма актуальны.

Особый хронотоп – «индустриальная Атлантида», а именно переживание настоящего как потери и разрушения прошлого. «Индустриальная Атлантида» – это еще и потерянная экономическая и инженерная история, удаленная память об инженерах и мастерах. Эпоха индустриализации когда-то забыла о крестьянах и смыла память о купцах. Новые потребительские символы, олицетворенные в «евроремонте», торгово-развлекательных и офисных центрах, абсолютно стерли символику индустриального пространства.

Следы трагического величия «безымянок» вот-вот будут совсем потеряны: советская индустриальная история не запечатлена в современных музеях, не культивируется в праздниках, выставках и не играет никакой роли в повседневной жизни горожан. Единственный музей ГУЛАГа в Перми закрывают, уничтожая редчайшие экспонаты. Это несправедливо, если будет стерта память о прошлом – о нескольких поколениях производственников, брошенных войной на волжские земли, создававших «тыл» и «космос».

«Малые города» – это гигантский мир, лежащий, как правило, в культурном пограничье (между областями, между Европой и Азией, между Россией и Казахстаном и т. п.). Наша коллега диссертант Н.В. Барабошина убедительно показала бытийную, глобальную и профанную депрессивность. Она исследовала малые города с помощью хронотопов и ментальных карт. Например, студенты города Бузулука выделяют две точки на карте города, с их точки зрения – самые важные: вокзал и шоссе, ведущее из города. Пространства, сузившиеся в постперестроечное время (закрывшиеся предприятия и средние учебные заведения), выводят отъезд из города на уровень самого желанного события. В советские годы прекрасные школы малых городов позволяли поступать в столичные вузы, давали надежды на социаль-

ный лифт и продвижение. Так, почитаемый в Самаре профессор философии Вадим Николаевич Борисов, окончив среднюю школу в Бузулуке, поступил на философский факультет МГУ и возглавлял два десятилетия кафедру в академгородке Новосибирска, а потом кафедру философии в госуниверситете Самары.

Современные же выпускники средних школ малого города мечтают уехать из своего города, чтобы заработать на стройке большого города машину, а потом жениться в родном малом городе и продолжать неквалифицированную сезонную работу в большом городе. Они не видят для себя возможностей в современном малом городе, выделяют точки «вокзал» и «шоссе», но уезжать навсегда из малого города им некуда: «Кому мы нужны?..»

Постсоветское время по-разному переживается в столицах и малых городах. С точки зрения пространственно-временной диагностики чрезвычайно интересны так называемые «третьи столицы» – на этот статус претендуют Казань, Екатеринбург и еще несколько городов. Общим для них является интенсивное развитие тех пространств и синтез тех времен, которые, по нашему мнению, важны для современной хронологии города. Мы приводим в пример глобальную тематику фестивалей, поддержку городских инициатив, профессиональную ориентацию на «синтез времен».

Разумеется, и в этих городах, имеющих активное городское сообщество, наблюдаются общие для современных российских городов проблемы: размежевание по экономическим признакам, потребительская ориентация, чудовищные транспортные проблемы. Однако желание сделать свой город лучше, опираясь на гражданскую активность людей и привлечение образованных и мобильных профессионалов, здесь очевидно преобладает.

Это видно по гуманитарным экспериментам или диалогу различных общественных сил, по расширению различных площадок для творчества горожан. Некоторые из городских пространств, вычеркнутые прежде из ду-

ховной жизни горожан, оказались вновь в центре их внимания, получив глобальное признание и обретя лоск. Именно в «третьих столицах», по нашим наблюдениям, стремительно растет полифония пространств и времен.

Столицы России – Москва и Санкт-Петербург – не только несопоставимы с любой другой группой городов, но и, как известно, значительно отличаются между собой.

Санкт-Петербург не только был и остается несравненным культурным, научным, портовым и промышленным городом мира, но и наращивает свой потенциал в подготовке персонала всех направлений и типов. Сегодня для приезжих модно не только посещать фестиваль «Белые ночи», но и учиться в Санкт-Петербурге. Образовательные пространства северной столицы разнообразны и качественны. Они представляют собой потенциал, которому, по нашему мнению, нет аналогов в мире.

Уместно будет сослаться уже в который раз на чрезвычайно важное в духовном и методологическом плане последнее интервью с Ю.М. Лотманом. Великий культуролог говорил, что Петербург – больше Европа, чем европейские города. Это очевидно, когда речь идет о культуре, архитектуре, ансамблевости города на Неве, но может дать неожиданные результаты применительно к исследованию полифонии образовательных пространств Санкт-Петербурга, в которых гипертрофировано и по-своему колонизировано европейское образовательное начало.

О современной Москве как одном из самых мощных и глобальных «коридоров мира» уже многое сказано современными исследователями и глубокими комментаторами. Из бескрайней московской полифонии мы выбрали именно то, что, как показал наш обзор, «работает» в нашей концепции полифонических пространств.

Классическая советская Москва репрезентируется мощнее всего «сталинским ампиром»: это символы власти, которые сконцентрировали пространство огромного города и выразили всю эпоху. На эту тему доцен-

Список литературы

том МГУ имени М.В. Ломоносова О.А. Зиновьевой написана прекрасная статья «Концепция времени и пространства сталинской Москвы: утопия и реальность». Вряд ли можно лучше изучить СССР, нежели по сталинским высоткам, сталинским панно в метро и городским проспектам, перекроенным по «кремлевскому маршруту».

Время постсоветской Москвы прочитывается по «евроремонту»: гигантским магистралям новых домов, тотальной массовой переделке строительной отрасли для более удобного оборудования квартир. «Евроремонт» выступает как индустрия, как производство, как эталон красоты и качество жизни, как новые границы пространства и времени. Живем как в Европе, живем как в глобальном времени. Гениальное наблюдение профессора Карла Шлёгеля: «евроремонт» – показатель и символ постсоветской Москвы.

Однако мы полагаем, что диагностика новых культурных пространств в Москве будет неполной, если не обозначить бесконечную полифонию пространств: «ночь в городе», «шансон», «фабрика звезд», а также рождение «новой оперы», о чем свидетельствуют, например, исследования профессоров Е.В. Дукова, А.М. Цукера, Е.С. Фёдоровой и других замечательных авторов. «Дорогая моя столица» – это целый мир глобального мира.

Мы постарались наметить и выявить наиболее интересные повороты хронологии в городах разных типов. Более подробно концепция будет освещена в статьях нашего авторского коллектива во втором томе настоящего сборника.

Таким образом, мы собираем шаг за шагом подходы к философско-культурологической диагностике городов, к их трансформациям и новому возвращению к самим себе. Хронотопия – многообещающий взгляд на город.

1. Алексушин (2012) Алексушин В.Г., Карлина А.А., Репинецкий А.И., Устина Н.А., Цлаф В.М. Историко-рефлексивный метод в стратегических разработках // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 22-27.
2. Ахиезер (1993) Ахиезер А.С. Диахронность и синхронность цивилизаций: теория и методология исследований (на примере России) // Цивилизации. – Вып. 2. – М., 1993.
3. Ахиезер (1998) Ахиезер А.С. Как искать специфику российского общества, или Было ли осевое время в России // Рубежи. – 1998. – № 3/4.
4. Ахиезер (1991) Ахиезер А.С. Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). – М., 1991.
5. Ахиезер (2000) Ахиезер А.С. Переходные процессы в культуре // Искусство и наука об искусстве в переходные периоды истории культуры. – М., 2000.
6. Ахиезер (1998) Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
7. Ахиезер (2008) Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? / Изд. 2. – М., 2008.
8. Барабошина (2012) Барабошина Н.В. Малый город в России: как сохранить горожан в городе // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 33-39.
9. Бауман (1995) Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 2012. – 1995. – № 4. URL: <http://bgconv.com/docs/index-59403.html>.
10. Бауман (2008) Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

11. Бахтин (1975) Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975.
12. Браташова (2012) Браташова С.А. Одиссея раннего Саратова // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 40-49.
13. Бурлина (2011) Бурлина Е.Я. Бытие страны в зеркале жанров: русские жанры бытия. – Саарбрюккен, 2011.
14. Бурлина (1999) Бурлина Е.Я. Город – страна – планета. Дюссельдорф. – Дюссельдорф, 1999.
15. Бурлина (1995) Бурлина Е.Я. Город – страна – планета. Модели гуманизма в художественной культуре. – Самара, 1995.
16. Бурлина (1989) Бурлина Е.Я. Жанрообразование в искусстве как социокультурное явление: Дисс. ... докт. филос. н. – М., 1989.
17. Бурлина (1978) Бурлина Е.Я. Культура и жанр. – Саратов, 1978.
18. Бурлина (2011) Бурлина Е.Я. Самара в прозе В.П. Аксёнова и диагностика постсоветского города // Известия СНЦ РАН. – 2011. – Т. 13. – № 2. – с. 7-11.
19. Бурлина (2012) Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Волга и Самара: образы разного времени // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 8-17.
20. Волков Волков С. Шостакович и Сталин. Художник и царь. URL: <https://lib.rus.ec/b/257862/read>.
21. Воронина (2005) Воронина Н.И. Старый город в новой России. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2005.
22. Глазычев Глазычев В.А. Избранные лекции по муниципальной политике. Средовой подход в развитии города. URL: <http://www.glazychev.ru>.
23. Гнедовский Гнедовский М. Кризис – лучший стимул для креативной экономики. URL: <http://www.newslab.ru/news/article/291960>.
24. Голубинов (2012) Голубинов Я.А. Образ волжского города: от краеведения к регионалистике // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 54-60.
25. Голубков (1993) Голубков С.А. Гармония смеха: Комическое в прозе А.Н. Толстого: Очерки // Сборник. – Самара: Книжное издательство, 1993.
26. Голубков (1993) Голубков С.А. Комическое в романе Е. Замятина «Мы»: Монография. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1993.
27. Голубков (2012) Голубков С.А. Маркеры городских пространств, их смысл и функции // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 152-157.
28. Голубков (2010) Голубков С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века: Учеб. пособие. – Самара: Самарский ун-т, 2010.
29. Горин (2011) Горин Д. К феноменологии двоемыслия: метафизика культуры «диалектического материализма» // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/ neprikosnovennyj-zapas-78-42011/11250-k-fenomenologii-dvoemysliya-metafizika-kultury-dialekticheskogo-materializma.html>.
30. Город... Город и деревня в современном мире по данным ООН. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom01.php>.
31. Гун (2012) Гун Е.Г. Южноуральский город как социокультурный феномен // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 19-22.
32. Дуков (2012) Дуков Е.В. Городская культура России: новые веяния // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 23-27.

33. Дуков (2003) Дуков Е.В. Концерт в истории западноевропейской культуры. – М.: Классика-XXI, 2003.
34. Дюркгейм (1995) Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995.
35. Ермолин (2005) Ермолин Е.А. Миф города Ярославля // Старый город в новой России. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2005.
36. Ефимова (2012) Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. Формирование эффективного имиджа Нижнего Новгорода как фактор развития его межрегиональных и международных экономических, научно-образовательных и культурных связей // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 78-83.
37. Жоголева (2012) Жоголева А.В. Самарские городские пространства эпохи становления постиндустриального общества // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 83-86.
38. Зиновьева (2012) Зиновьева О.А. Концепция времени и пространства сталинской Москвы: утопия и реальность // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 28-33.
39. Злотникова (2012) Злотникова Т.С. Время старого города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 34-44.
40. Злотникова (2007) Злотникова Т.С. Время «Ч» (Культурный опыт А.П. Чехова. А.П. Чехов в культурном опыте 1887-2007 гг.): Монография. – М. – Ярославль, 2007.
41. Злотникова (2010) Злотникова Т.С. Вторая ошибка Бога: Монография. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.
42. Злотников (2005) Злотникова Т.С. Часть мира... Театр: Монография. – М. – Ярославль, 2005.
43. Злотникова (2003) Злотникова Т.С. Человек. Хронотоп. Культура: Курс лекций. – Ярославль, 2003.
44. Иливицкая (2012) Иливицкая Л.Г. Безымянка: в поисках самоидентификации // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 95-99.
45. Иливицкая (2012) Иливицкая Л.Г. «Быстрые» и «медленные» города: к постановке проблемы // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 44-48.
46. Каган (1982) Каган М. С. Время как философская проблема // Вопросы философии: – 1982. – № 10. – с. 117–124.
47. Казань... Казань как туристический город уже превосходит Москву – таково инфраструктурное сопровождение туризма. URL: www.echo.msk.ru/blog/prensa_echo/1353400.
48. Княгинин (2009) Княгинин В.Н. Возможности региональной кластерной политики в современных условиях // Актуальные вопросы формирования кластерных инновационных проектов. Необходимые меры государственной поддержки развития кластеров в Санкт-Петербурге: круглый стол. КЭРПИТ (Санкт-Петербург, 31.03.09). URL: <http://www.csrnw.ru/content/contacts/popup.asp?shmode=2&ids=1&idc=44>.
49. Кобозева (2013) Кобозева З.М. «Жестокие романсы» частной жизни. Семья и любовь. – Самара, 2013.
50. Кондаков (2012) Кондаков И.В. Пермь – закрытый город // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 54-62.
51. Конев (2012) Конев В.А. Многомерность городского пространства // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 168-173.
52. Конен (1968) Конен В.Д. Театр и симфония. – М., 1968.

53. Костромицкая (2012) Костромицкая А.В. Трансформация границ городского пространства: теоретический и практический аспекты // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 174-181.
54. Кривопалова (2012) Кривопалова Н.Ю. Особенности формирования нового имиджа Самары в первые послереволюционные годы // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 102-106.
55. Кузовенкова (2012) Кузовенкова Ю.А. Три образа Самары – три эпохи города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 107-109.
56. Кузовенкова (2009) Кузовенкова Ю.А. Город в идеальном измерении: от образа к имиджу: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. – Саранск, 2009.
57. Курина (2012) Курина В.А. Образовательное пространство в городской культуре // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 68-73.
58. Лакшин (1989) Лакшин В. Мир Булгакова. – М., 1989.
59. Лейбград (2012) Лейбград С.М. Самара – родина слонов (беглые литературные заметки о городе литературных беглых) // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 110-117.
60. Линч (1982) Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982.
61. Лисовец (2012) Лисовец И.М. Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 74-77.
62. Лихачев (1989) Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989.
63. Лысова (2012) Лысова Н.Ю., Бокурадзе Д.С. Театральное пространство как содержательная грань городской среды // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 129-134.
64. Лысова (2012) Лысова Н.Ю. Волжский исторический город в отечественной живописи XIX – начала XXI в. // Город и время: в 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 117-128.
65. Мигранов (2012) Мигранов М.С. Изменения в общественном сознании населения Уфы в первые послевоенные годы // Город и время: в 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 82-89.
66. Назван... Назван самый медленный город Германии. URL: <http://allbe.org/nazvan-samyj-medlennyj-gorod-germanii/>.
67. Новикова (2012) Новикова Н.Л. Идентификация человека в координатах городского пространства // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 90-94.
68. Паперный (2006) Паперный В. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.
69. Пермь... Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / Под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Вступ. О.Л. Лейбовича. – Пермь, 2013. – 240 с. ISBN 978-5-85218-647-8.
70. Петровский (2012) Петровский М.С. Город и время: как вы понимаете? // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 183-186.
71. Рафикова (2012) Рафикова К.В. Музей как «место памяти» города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 139-145.
72. Римон (2012) Римон Е.Я. Времена и пространства Шмуэля Йосефа Агнона. URL: <http://echo.oranim.ac.il>.

73. Римон (2012) Римон Е.Я. Освящение времени: штрихи к описанию хронотипа малого города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 187-193.
74. Ростова (2012) Ростова А.В., Желнина Е.В. Отношение жителей моногорода к инновациям // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 149-156.
75. Руцинская (2012) Руцинская И.И. Образы поволжских городов в региональных путеводителях второй половины XIX – начала XX в.: особенности самопрезентации // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 157-162.
76. Самые... Самые быстрые и самые медленные города Европы. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/249574>.
77. Сванидзе Сванидзе Н. Суд истории. URL: <http://rutor.org/torrent/129018>.
78. Сиротина (2012) Сиротина И.Л. Пространства современного города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 107-114.
79. Соломина (2012) Соломина И.Ю. Социальная память города: формы запоминания и забвения // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 163-167.
80. Толстой Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10 томах. Том 10. Публицистика. URL: <https://lib.rus.ec/b/317490/read>.
81. Трубина (2012) Трубина Е.Г. Мегасобытия как часть популярной культуры // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 115-121.
82. Федеральный... Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 202. – 8 октября.
83. Филиппов (2008) Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб., 2008. – с. 261.
84. Цукер (2012) Цукер А.М. Массовая музыка как образ времени // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 122-136.
85. Чичева (2012) Чичева С.Е., Абрамова А.С. «Исторический город и идентичность» // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 148-152.
86. Шиллинг (2012) Шиллинг Е. Хронотипы будущего у молодежи разных городов Европы (Кёльн, Самара, Берн) // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 213-226.
87. Шлёгель (2011) Шлёгель К. Террор и мечта. Москва 1937. – М.: РОССПЭН, 2011.
88. Шлёгель (2012) Шлёгель К. Возвращение европейских городов // Отечественные записки. – 2012. – № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/vozvrashchenie-evropeyskih-gorodov>.
89. Шмуэль (2004) Шмуэль Йосеф Агнон. Новеллы / Предисл. и коммент. Е. Римон. – Мосты культуры, 2004.
90. Donald (1997) Donald J. This, here, now: Imaging the modern city // Imagining Cities: Scripts, signs, memorials / Ed. by Sallie Westwood and John Williams. London, NY, 1997. P. 197.
91. Harvey (1989) Harvey David. From managerialism to entrepreneurialism: the transformation in urban governance in late capitalism. Geographiska Annaler, Series B, Vol. 71, 1989, pp. 3–18.
92. Levine (1998) R.V. A Geography Of Time: On Tempo, Culture, And The Pace Of Life / R.V. Levine. – Basic Books, 1998. – 280 p.

Оглавление

Content

Введение	3
Глава I	
Город в культурном пространстве и времени	10
1.1. Полифония городских пространств.....	11
1.2. Город во времени, время в городе	25
Глава II	
«Что ни город, то хронотоп»	43
2.1. Пространственно-временная типология городов.....	44
2.2. Волжские города: идентификационные волны	45
2.3. Город и Безымянка: пространственный разлом	56
2.4. «Непреодолимое прошлое» индустриальных городов Южного Урала	62
2.5. «Закрытый город» Пермь	65
2.6. «Дорогая моя столица»: от сталинского стиля к евроремонту.....	70
2.7. Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье.....	73
2.8. «Третьи столицы» – Казань, «Екат», Нижний и другие.....	75
Глава III	
К гипотезе пространственно-временной диагностики города	80
3.1. Полифония городских пространств: исследовательская платформа.....	81
3.2. Хронотопы прошлого, настоящего и будущего	88
3.3. «Инициатива ненаказуема»: креативные индустрии	94
3.4. Диагностика города и маркеры	100
3.4.1. Социокультурные институты города как маркеры	100
3.4.2. Художник как диагност города	105
3.4.3. «Цена вопроса».....	117
Заключение	128
Список литературы	141

Introduction	5
Chapter I	
The city in the cultural space and tim	10
1.1. Polyphony of urban spaces	11
1.2. The city in time, time in the city	25
Chapter II	
«Neither the city, the chronotope»	43
2.1. Spatially-temporal typology of cities	44
2.2. Volga cities: the identification wave.....	45
2.3. The city and «Bezemyanka»: spatial rift.....	56
2.4. «Irresistible» past of industrial cities: South Ural	62
2.5. «Closed city» Perm.....	65
2.6. «My Moscow»: 1930–1950 from Stalin Style to renovation	70
2.7. The chronotope of a small town city: Buzuluk – cultural Borderlands.....	73
2.8. «Third capitals» Kazan, «Ekat», Nizhny Novgorod and the other	75
Chapter III	
The hypothesis of space-time diagnostics of the city	80
3.1. Polyphony of urban spaces: research platform	81
3.2. Chronotopes of past, present, future.....	88
3.3. «Initiative is unpunishable»: creative industries.....	94
3.4. Diagnosis city and markers.....	100
3.4.1. Socio-cultural institutions of the city as markers	100
3.4.2. The artist as a diagnostician of the city	105
3.4.3. «Price of the question».....	117
Conclusion	128
Bibliography	141

Научное издание

*БУРЛИНА Елена Яковлевна
МАЙСЦИЕС Винрих
ИЛИВИЦКАЯ Лариса Геннадьевна
КУЗОВЕНКОВА Юлия Александровна
ГОЛУБИНОВ Ярослав Анатольевич
ГРАНКИНА Евгения Александровна
БАРАБОШИНА Наталья Владимировна
БОКУРАДЗЕ Денис Сергеевич
ШИЛЛИНГ Елизавета Юлиевна*

*«Полифония
городских пространств»
Интернациональный
научно-исследовательский альманах
Обзоры и концепция*

ТОМ 1

*Редактор, корректор Г.В. Загребина
Дизайн, верстка Е.А. Образцова*

*Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 70x100/16
Объем 9,5 п. л.
Тираж 100 экз. Рег. № 201/11
Заказ №*

*Отпечатано в типографии ООО «Медиа-книга»
443070, г. Самара, ул. Песчанная, 1
Тел. (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru*